

XXI
T

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная
Библиотека

Смена

№ 5
МАРТ 1942 г.
XIX ГОД ИЗДАНИЯ

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

Отважные комсомолки-партизанки, участницы разгрома немцев под Москвой (слева направо): Ляля Колесова, Соня Пашуканис, Лида Новикова.

Фото И. Шагина

ЗНАМЯ ГВАРДЕЙЦЕВ

Придет в гвардейскую часть молодой боец. Он принесет присягу: не плахи своей крови и самой жизни, быть врага. Он пожелает в этом у алого знамени, с которого то смотрит Илья.

Этот алая Гвардия.

Он скажет: «Я буду достоин имени гвардейца. Никогда в жизни не ступлю и шагу назад. Ничто не сможет моей воли в бою. Я это сделаю — ты слышишь меня, моя мать, жена, моя Родина?»

Он станет гвардейцем.

Так послушай, товарищ, как дрался ты, чья кровь обрызгала знамя 249-й стрелковой дивизии, знамя 16-й гвардейской.

Бой шел за деревней Л. Срепетливой дачкой наши вывели немцев из загаживших нем домом. Лесом и полем, по груди проваливаясь в снег, удирали францы. Они бежали, бросая повозки с набравленным барахлом, не успев отправить лошадей, гарью орудию, на ходу отбывая неуклюжие соломанные чучки.

Бойцы тов. Назаренко преследовали удиравших гадин.

Вдруг раздался металлический хлопок. Немцы увидели: это на вырuchu им от деревни Б. добежали танки. Машины разворочались и вероной градой пошли на бойцов Назаренко.

Сколько там было? Тогда не считали. Теперь один говорит — семнадцать, другое — двадцать один. Не все ли равно? Лавина огня и стали урчала и окала вперед. Густым клубком за танками шла пехота.

Наши дегли. Так стало тихо, что каждый слышал: колоколом сердце стучит в грудь.

Прошли секунды — они были долги, как годы. В эти секунды люди снова прожили всю свою жизнь. От улыбки матери, от едкости в душе, которого не забыть; от доброго взгляда учителя; от первого поцелуя любимой — до последнего, сегодняшнего приказа батальону: не отходить!

Прошли секунды, и во весь рост поднялся старший лейтенант Салак. Он протянул руку — граната в руке! — и крикнул:

— Ребята, за мной! Ур-ра, ребята, ур-ра!

И люди, простые советские люди, точно также, товарищ, как ты, бросились на рвавшие танки.

Бежал Салак и чувствовал, что рядом с ним, плечом к плечу, бегой друг комиссар Маслов. Бежал Маслов и не видел, а скорее ощущал, что слева полстрелков Конов. Конов мчался вперед и знал: в этом сурае, гремевшем по полю, лейтенант Панфилов и все его бойцы, лейтенант Смирнов и его разведчики, здесь Петриков, Овчаров, Полев...

Эти гвардейцы пошли на штурм. Они стали гвардейцами в ту секунду.

И танки остановились. Немцы, закончившие в броне, не могли понять: что случилось? Никакой еще и невиде на них, бронированных, не шли так обыкновенные люди.

Шарко размахивавшись, Панфилов шмырнул под танк тяжелой снайку гранат. Ударил разрыв — и задрожала, заблывая на месте машина.

— Ур-ра, ребята, ур-ра!

Тогда францы поняли. Они открыли бешеный огонь из всех своих орудий, из всех пулеметов.

Огонь на огонь!

Артиллерия Коленцов с хода разворочула свою пушку. Завыл снаряд. Прицелился. Выстрелил. И вторая гадина приоткрылась. Уже жидок вылетел урывок снаряд.

Три... Чотире машины стоят...

— Давай огонь, товарищ, родные!

Прилетев к пулемету, бьет Николай Бобылев. Горный стерж манует соломую машину и косят пехоту за ней.

— Оторвались, смотри-ка! Опять побожали, бегут вадь францы, ой богу, бегут!

А им адогону, обходя танки, кинулись комсомольцы: Раскопан, Коворев, Зотов.

Приво на Бобылева повернуло стальное чудовище. Бьет пулеметчик и чувствует: уже в двадцати, в пятидесяти шагах так...

Тогда выпрыгнула гвардейка Бобылев, потяре крепко сжатыми кулаками и злова по локтям, по голкам бронированной выверцы хлестнул огневой струей. Как орехи пощупала солдаты, облепившая башню танка.

Бобылев был до последнего. Его самого и его пулемет сложили гусенцы. Но тут же ударили снаряд Коленцова — и пятый танк встал.

...До вечера шла безпрерывная битва советских людей и фашистских машин. Дивизия ходила в атаку танки и, теряя свою пехоту, оба раза повернула назад.

Они не прощли.

Вот как, товарищ, сражались гвардейцы, и кровь их окрасила знамя, под которым сейчас ты стоишь! Гвардия умирает, но не делет ни шага назад. Сердце, воля гвардейцев крепче стали крутосских машин.

И ты поклялся так драться, товарищ!

Действующая армия.

И. ЗАРАПСКИЙ

ДРУЖБА

Он полз, закусив от алобы губы,
На логово вольче — дзот.
И выстунал на высоком абу,
Как бисер, соленый пот.
В бою рукопашном пули верней
Холодная сталь шытка.
Позали с ним вровень грозы грозней
Ребата его поака.
Сусликом пуля свистнула вдару,
Плечо огнем обожгла.
Встал перед глазами зеленый круг,
И темень кругом легла...
Он поднялся, побежал вперед,
Одземолкан догнал.
Смертельными глазами вражий дзот
Равнину всю прошивая.

Ударило в ногу. Замедлил бег,
Имя — не подытаться вновь.
Прохлада до земли ослепительный снег
Его молодой крови...
От мнимых разрывов звенят в ушах.
— Нет, Вася, лежать нельзя,
Когда вперед, убывая шаг,
В атаку идут друзья...
У самого дзота гремит сурае,
Промерзлый гудит металл.
Василий Никонов, силы собрав,
На шык опираясь, встал.
А бой нарастал, грохотал кругом.
— Лебей слова команд.
Лежал за суробом к нему лицом
Каняев — его лейтенант.

И видит Василий: ползут тайком
Солдат, за ним — офицер.
Берет автомат чуть заметным зрачком
Каняева на присел.
Секунда каждал тут дорога,
И Никонов бегт по врагу.
Ваша выстрела нетких — и два врага
Остались в русском снегу.
Василий с Каняевым рядом лег.
— Спасу, унесу как-нибудь...
Хотел подняться, но встать не мог:
Ударил пуля в грудь.
Их вынесли вместе. Огня не боясь,
Друзья им вернули жизнь.
Заплакали оба и, слез не стидясь,
Накрепко обнялись.

Действующая армия.

XX

Во имя жизни

Жесткие бои с немецкими захватчиками рождают великие ценности: дружбу, сменчивую кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.

Эта дружба родилась под огнем врага на лесной финской высоте, у которой не было названия. Сердца двух воинов близки рядом в течение двадцати часов, и кровь скрепляет их братство навеки. Старший был коммунистом, младший — комсомольцем. С беззаветной отвагой они выполнили свой долг. Одним Указом присвоено им звание Героя Советского Союза — мертвому и живому.

Вот подробный рассказ о величии их мужества и дружбы.

Как-то ночью знайтельная группа фашистских войск пролезла в стаях между нашими частями и заняла тактически важную высоту. Назовем ее Безмяниной.

Взвод пограничников, среди которых были старший полтрук Руденко и боец комсомолец Кокорин, штыковым ударом выбил противника с этой рубежа.

Всю долгую ночь под надоевшими дождем и под непрестанным огнем неприятеля горстка пограничников удерживала высоту Безмяниную.

Под утро на высоте не осталось ни одного нерадеющего бойца. Командир взвода был убит. Погиб в бою лучший пулеметчик. Нескольких раз были ранены Руденко и Кокорин. Но они продолжали сражаться.

Когда подошли к концу патроны, Руденко приказал Кокорину, выполняющему обязанности санитаря, собрать всех, кто может ходить, взять тяжело раненых и уползать с ними в тыл.

Много лет Руденко служил в пограничных частях, и профессия неукста выработала в нем особую лехологию. Оселовой ее было чувство долга. Высоту необходимо было удержать — значит, он должен был остаться для ее защиты. Кокорин ответил:

— На основании присяги я не имею права оставлять командира одного.

Руденко повернул к нему лицо и сердито произнес:

— На основании присяги вы обязаны выполнять распоряжения командира беспрекословно.

Кокорин козырнул и скрылся за мшистыми финскими валунами. Руденко остался на высоте Безмяниной, продосишь от холода, мокрый от дождя, и одиночными выстрелами из ручного пулемета поражаля видные цели. Он вспомнил прочитанную где-то фразу: «Жить пресмыкаясь, как лягушка в болоте, глупо и бессмысленно». Дальше в той книге говорилось о том, что тяжело умирать, когда сознаешь, что ждл ты неверно и что памяти после тебя не останется никакой. Но красивой смертью нестрашно умирать, говорилось в той книге. Ния твою не умрет вместе с твоим телом. Такой смерти можно не бояться — это бесмертие; а не смерть.

Презомагай бою, которую причинял ему раны, он передвигался с ручным пулеметом по всему фронту, обманывая врага. Фашисты не должны были заподозрить, что на высоте остался только один боец.

Часа через два он услышал позади себя выстрелы голоса Кокорина. «Вернулся, вот черт!» — и радостно стало на сердце у Руденко.

Кокорин доложил, что отправил раненых в тыл, он вернулся на свое место, потому что не может оставить старшего полтрука. Руденко впрямочка, а потом произнес глухо:

— Ну что ж, оставяль тогда левый фланг моего «задрядения».

Он был уверен, что Кокорин вернется, и то, что так это и случилось, сильно взволновало его. Он почувствовал непривычную нежность к этому человеку. И от того, что подобное чувство приодилось редко испытывать, ему было радостно и немного стыдно.

И вот Руденко в Кокорин добровольно стали продолжать неравную борьбу. Они боролись не за свою личную жизнь, — их судьба казалась предрешенной: они боролись за судьбу страны, за свободу народа и шли на гибель во имя его жизни.

Спустя некоторое время Руденко заметил в лесу, за поляной, какое-то оживление. Сильное мерный шум дождя ничего неслышно было расслышать, но старшему полтруку казалось, что он различает короткие, резкие фразы на немецком языке — слова выговора или команды. Затем за стволами берез замелькали темные фигуры и к высоте Безмяниной дождель знакомый угрожающий крик «Айда-ай!» Фашисты пошли в атаку. Они не осмелились лезть прямо в доб. Продвину-

лись к подножью высоты, солдаты остановились. На высоту полетели гранаты. Приятной особенностью отличались они — это были немецкие гранаты: они раялись на полторы секунды позднее, чем нужно было, чтобы наверняка поразить цель. Руденко поймал на лету первую гранату и изо всей силы швырнул ее во врагов.

— Отгужай обратно! — крикнул он своему единственному бойцу, заменявшему теперь целое подразделение.

Когда граната раялась на земле, ее осколки поражаля пространство в виде опрокинутого конуса. Задержанная в воздухе и отправленная обратно, она раялась, не достигая земли, и покрывала площадь вокруг себя смертоносным веером.

Руденко передерсовал врагу вторую гранату. Третью он поймал не успел — граната шлепнулась ему на спину. Судорожким, инстинктивным движением спины Руденко отшвырнул ее в сторону и всем телом прижался к мокрой и холодной земле. Вспыл страшный взрыв, который, казалось, все ободрал в его груди! Комья грязи, слбитые ветви, хвоя посыпались на Руденко. Но он был жив и даже не ранен. Осколки ваятели конусом, и ни один не задел его. В ту же минуту, точно спеша исправить негодность гранатометчика, мина взорвалась перед старшим полтруком. Ручной пулемет был разбит. Острые осколки мины впились в руку Руденко. Он не обратил внимания на это ранение. Он знал, что главное вперед.

Смущенные решительным отпором, финны и немцы не осмелились идти на штурм. Фашистские мины остались у подножья высоты, а из лесу загворила полевая пушка. Первый ее снаряд угодил в дерево. С сухим и вечальным треском сломался его ствол, и дерево грохнулось на Руденко. «Лохое дело», — подумал старший полтрук, а своему товарищу он крикнул:

— На лобное Макара все шипки... Дале дерево — и то!».

Дерево сильно ушибло его. Руденко было больно, еще сильнее заныли раны.

— Трудновато без пулемета, а взять сейчас негде, — проговорил он.

Справа от себя Руденко услышал страшный шорох. Он замолчал и повернул голову. Ме-

трах в пятидесяти от него финны в черных мушкрах втащивали на высоту станковой пулемет. Жирно брызнула под мелким дождем воронья сталь его частей. Руденко был охвачен упавшим деревом, и финны, немеченные, взобрались на высоту. Они расщепляли фланговым огнем уничтожить живую силу пропагандистского противника. Удавшиеся безмолвием на высоте, пулеметчики замешкались. Ни кто из них не мог предположить, что этот рубец зашипит только двое.

Ужасен близил себя финнов, Руденко, не думая ни о чем, одним рывком бросился к пулемету, крикнув Кокорину:

— Поддерживай огонь!

Финский пулеметчик ушел только застигнув руки к рукояткам своего оружия.— Руденко прыгнул вперед и, выхватив пистолет, один за другим произвел три выстрела. Когда подошел Кокорин, трое финнов лежали мертвыми у своего пулемета.

— Видишь, обонялись без пункта питания,— сказал Руденко, переверая дух; он повернул трофейный пулемет в сторону фашистов и дал для пробы короткую очередь.— Самый раз перейти на выживание противника.

Фашисты притихли. Шумел дождь. Ветер ворошил мокрую листву деревьев.

— Готовясь, Кокорин,— сказал Руденко своему товарищу.

Не нравился ему эта тишина. И действительно: еда Кокорин вернулась на свое место, как из кустов бросилась на него группа немцев и финнов. Так вот каков был замысел врага! Он подготавливал двойной, скрытый удар с флангов.

— Кокорин, держись!— закончил старший полтукру и бросился на помощь бойцу.

Срабегу старший полтукру встал штык в живот немецкому офицеру и одновременно выстрелил. Заполонившись удивлением леда немца и его точно разорванный рот, когда он повернул голову, выстрел в упор. Второе, воздушное салдаулом,— автоматически отменил Руденко. Штыком он крошил голову и третьего фашиста. Двое других, смешино припадая к земле, бежали вниз с холма. Кокорин с колена уложил их из винтовки.

— Гарантии на жизнь не имеем, но дела идут неплохо,— сказал Руденко.

В лесу заглушал автомат, и тонкая очередь прощала кусты позади пограничников. По-

следняя пуля попала Руденко в живот. Он упал.

Кокорин перевалил его остатком бита. Куска хватало, чтобы только два раза обернуть вокруг живота. Руденко было плохо.

— Валий, валий, Талей! Живот—все тает, не мусорный ящик. Всякой дряни понабьется—нехорошо,— говорил Руденко потому, что боялся молчать.

Его знобило. Ему казалось, что он теряет силы. Он говорил, чтобы удержать сознание. Он думал о том, как на высоте останется один Кокорин. Выдержит ли он здесь один? Отступит невозможно. Отступит нельзя.

— Умирай красиво, Толя,—боротался старший полтукру, думая, как бы впоследствии прободрить санитаря; пробуя улыбаться, он сказал—Обрати внимание на математикку, Анатолий,—простой подсчет: если взять, например, футболистов, то они сыграют, и результат—2:3 или 3:5. И вопрос: в чью пользу? А мы сыграли со счетом 8:0, если взять только результат наличный.

Ослабевшей рукой он показывал на мертвых врагов—на тех, что лежали возле станкового пулемета, и на тех, которые напали на фланг Кокорина. Убитых на подступе к высоте он не считал.

— Товарищ старший полтукру, я вот что хочу сказать,—проговорил Кокорин и покраснел.

— Делай, говори,—ответил Руденко.

— Видите ли, я хочу сказать: вот если вы останетесь живым, а я погибну,—Кокорин замолчал, он точно выдохнул эти слова.

Руденко достал шарпосу, заткнулся, посмотрел в сторону противника и вынул дым, затем он отскочил.

— Вот что, Толя, сейчас не время заниматься загробными вопросами. Мы еще живем. Водем во имя жизни,—значит, поживем...

Докурив, Руденко повернулся и с трудом пополз на свое место, к трофейному пулемету. Наступило захватное. Пограничница отдала. Немного погодя Кокорин пополз к Руденко и спросил, как он себя чувствует. Руденко чувствовал себя лучше.

— Слушай, Толя,—сказал он своему другу,—давай уговоримся: если меня убьют, помирай красиво. Помни, что ты чужой. В плен не сдавайся и в одиночку старайся не

помирать. Прихватывай за компанию попутчиков. Поимамся?—

— Поимамся,—ответил Кокорин.—Только ведь и это загробный вопрос, товарищ старший полтукру.

Руденко улыбнулся:

— Ладно. Твой вопрос будем считать принятым. Принимай теперь мой вопрос. И вот тебе совет: из винтовки не застрелишь; сохрани напоследок гранату: веселей будет помирать.

— Поимамся,—сказал Кокорин так, как будто выслушивал будничных приказ.

Приближался вечер. Дождь продолжался. Он то немного утихал, то привскал сильнее. В наступающих сумерках флангисты снова услышали выстрел. Видимо, они хотели до темноты овладеть высотой. В темноте, в лесной местности вести борьбу они остерегались.

Кокорин отполз на фланг и занял свое место. Ни он, ни Руденко не говорили проникновенных или чувственных слов, но они оба теперь чувствовали кровную близость. В сумерках наступившего вечера они видели друг друга между деревьями, за редкой белой дымкой.

Последней финская миля разорвалась недалеко от пулемета Руденко и разбила его. Осколками поразили старшего полтукру в голову и в лицо. Он упал назавнич и потерял сознание.

Он лежал на спине, широко раскинув руки. Неизвестно, сколько времени пролежал в таком положении. Сознание медленно возвращалось к нему. Первым вернулся слух. Руденко услышал выстрелы, услышал шум борьбы. Тогда он понял, что жив. Не поднимая головы, он присел на корточки и начал узнавать его. На том месте, где был нос, он нащупал ключья телого, мокрого, раненого мяса. Теплая влада заливала глаза. Но он был жив. Он был жив, и слух возвращался к нему, и хотя он не мог еще двигаться, до его сознания дошел охрипший от ярости, странно измененный голос Кокорина. «Нет, не возьмешь! Честно тебе не возьмешь!»—слышал Руденко страдный, натруженный голос товарища.

Не сразу понял Руденко, о чем кричит Кокорин. А когда мог его постать, наконец, смысл прошедшего, Кокорин выкрикнул свое последнее фразу:

— Прощай, боевой полтукру!—и замолк.

— Не смей, Кокорин!—закричал Руденко, насколько хватало сил.

Но было поздно. Раздался взрыв, страшный взрыв,—и все кончилось...

Презвогаю слабость и боль, Руденко пополз к тому месту, где сражался его товарищ. Руденко лежал мертвым с развороченным животом. Рядом валился исковерканные тела двух немцев. У одного была начисто снесена верхушка черепа, другой лежал, поднимая вод себе руку и плечо, вскинув ногу, как футболист, ударивший на бегу высокой мяч. Трое фашистов в черных мушкрах бежали вниз с холма с удивительной живостью, размахивая руками. Еще звенели в ушах Руденко прощальные слова Кокорина, еще густиннялась кровь, покрывала его лицо, а он уже стегал за своего друга. Лежа на боку, с трудом разывая бегущих, он поспал в догонку пули одну за другой. И по мере того как он полнее постигал происшедшее, росла его ярость. Станая от нее, он пошел в сторону окровавленной головой и вблизи себя увидел финна и немца, отброшенных в кусты силой взрыва.

— Рус, не стреляй, не стреляй! Я не шукаю,—прохрипел финн, встретившись взглядом с глазами Руденко.

Старший полтукру слышал сейчас только голос Кокорина. Не поднимая руки, плача от ярости и горя, он нажал спусковой крючок—и голос финна перестал заглушать голос друга.

Жестоким бои с немцамими захватчиками рождают великие ценности: дружбу, смениторованную кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.

ПАДЕНИЕ ПАРИЖА

(ОТРЫВКИ ИЗ 3-й ЧАСТИ РОМАНА)

Январь 1940 г.

Тесса вряд ли узнала бы в кокетливой мастерице, которая развозила платки шардами заказчицам, свою дочь: короткая завитые волосы, пухлые губы, пыльная, поскокая на поварской кофашке, а в руке картонка, перевязанная ленточкой.

Дениз работала в мастерской мод на бульваре Малзерб. Мастерицы шили балные платья. В салоне стояли длинные зеркала. Заказчицы показывались редко, а хозяин жаловался, что дела идут плохо. Это был непокойный человек с короткими седыми усами и с грустными глазами. Иногда он предостерегал «Жарден де мод» или «Вог». Маэшене в сумерки казались посетителями. Пели швейные машины, тавцовали электрические утюги, динные нога проробали по шелку — звук был несносен. А в одной комнате хромой Южене приправлял лист на американке: там помещалась подвальная типография. Хозяин мастерской мало что смыслил в модах, он писал листовки; а Дениз разносила их в ярдовой картонке.

Сегодня у Дениз праздник. Она спешит в Бельгию, Вог адрес... Там она встретится с Мишо. Это первая встреча после четырех месяцев разлуки.

Мишо послали сначала в Брест: он был запасным флота. В штабе, прочитав сопроводительный лист, стали думать, как бы отделаться от «судитыша». Неслыша дше сестры его отгнали в Аррас — в пехотный полк. Он был полн в казарме. Батальонный командир Фабр был пышной и чудаком, политку преирал, вычлупуло на веред, говорил: «В жизни два отделе: авенция — такса и искусство». Вначале он решил, что Мишо — вор, а узнав, что «преступление» скаржался в Испании, развеселился, прозвал его «Дон-Кихотом»; благоволил к нему. Вог отпустил ва два дня в Париж...

Дениз волновалась; не сразу нашла она уютную, полутемную улочку, вожоку на десятиях таких же уличек. Дверь открыла старая женщина. Мишо еще не было.

— Садитесь, милая. Я сейчас кофе сварю. Замерзла? Мишо скоро придет.

Но Мишо задержался. Хозяйка спросила: — Вы моего Жаю не знали? Его фашисты убили на заводе.

Дениз вспомнила рассказы Мишо о Клемасе:

— Это вы? Клемас вытерла глаза передником. Жаюно, и Дениз теперь повела язык маленькой комнаты. На стене висел портрет унастойкого подростка. На комодке лежали книги, тетради. Старый кивка. Клемас не могла расстаться с вещами сына. Она уаживала за его товарищами, кормила их, пришивала пуговицы. Когда началось война, она сидела по вечерам и плакала: всех забрали. А в ноябре к ней пришел вневкомом.

— Я от Мишо. Можно у вас остаться до утра? Меня ищут...

Она теперь прятала у себя коммунистов. Никогда не расширяла, кто, зачем; готовила ужин, стелила постель. С ней разговаривали о событиях. Она гордилась доверием. Сказала Дениз:

— Филелитидо они придумали, чтобы ответить газла...

Потом поглядела внимательно на Дениз и улыбнулась:

— Я давно Мишо говорила: зачем ты один болтаешься? Хорошо, что вы его заметили, он скромный. А сердце у него замечательное. И умница. Скоро будет, как Морис Торез. Только без жевской руки трудно. У Жаюна была.

Скрытная Дениз не смущалась: будто с ней говорит близкий человек...

— Вот и Мишо. Какой он смешной в форме! — Ты! Он обнял Клемас, Старуха наводила его кофе.

— Мне на работу нужно. Если увидите раньше, зайдите дверь, а ключ под ковер. Ты смотри, Мишо, чтобы тебя не убили! Говорит: «Войны нет», — а все таки убивают! Ты еще пригонишься... Я вот ей сказала: «Будет, как Морис Торез.»

Когда она ушла, Мишо прижал к себе Дениз и сговорил:

— Стоксоватый! И еще как! Вот и умер короткий январский день. Комната стала синей; сумерки — как дым. Скоро вернется Клемас. А еще они не договорились.

— Развал... Мы у бельгийской границ стоим. Хотели разуть укрепления, раздумали. Я слышал, как полковник кричал: «Только верженные могут говорить, что они правду знают!» Это — их изблюбленное слово. А кто верженный? Он. Все делают, чтобы немцы нас расколотали. Конечно, была другое правительство, было бы иначе... Удержаться можно. Только я боюсь, сначала разгромит, а потом нам скажут: «Спасайте». Солдаты спрашивают: «Как коммунисты...» Когда я листовки получал, накупил... Офицеры, как на подбор, фашисты. Те же гитлеровцы, только мой огульшанный — с кистусами...

А остальные: «Наказание за паровый фронт», «Имяна коммунистов» и так далее. Солдат боится. А солдаты ждут, сами не знают, чего. Пороку много, искри не хватает. Но если в Париже начнется, поддержат...

— Здесь то же самое... На заводах возмущены, но молчат. Вот только Финляндия растолкала. Говорит: «Финскими фашистами самодети спрости? Ни за что...» Могут начать забастовки. А тогда прорвется...

Он рассказывал, как везли в за- прани, что думать в Москве. Дениз объяс- няла. Он вдруг улыбнулся.

— Вот какая ты стала важная. А помнишь, как я тебя повел на первое свидание? Они вспоминали начало любви, наслаждение, смущение... И ни губы, ни руки, ни глаза не могли передать силу современного чувства. А сейчас эпоха растаутилась...

— Я читала в газете про одного капитана. Англичанин. Это было под Новый год. Они ужидали. Вдруг взрыв: земля — подползла колода. Там была его жена, молодая женщина. Она вышла на все поис и потянула к борту. Она отбилась, плакала, что он сошел с ума. Он ее бросил в воду. Она сплывала. Помышная, какое скомбинирование! И чувство какое!.. Теперь, Мишо, нужно мужество, чтобы жить. Ты мне это скажи, прижири на меня, чтобы я была сильной! Я не вхо опасе- вость говорить мне ничего не грозит... Но когда мы с тобой расстанемся, каждый раз думаю: ядрот навсегда?

— Все теперь на плотах. Корабля потонили!.. Но держимся. И допиваем. Дениз Уандиши! Они расстались на углу двух темных улиц, перекоя и темля, как живые реки. На углу у Мишо была лачка диктовки, два номера «Юманите». До поезда оставалось три часа. Он вошел на вокзал пешком. Затемненный Париж был незнакомым новым городом. Нюгда из темноты выступили голые ветки деревьев. А дома не были видны, они только смутно чувствовались, как далекие горы. Детский смех, голоса женщины: «Я уронила перчатку», — гудок автобуса, сгусток паровоза. И были в темноте синева, влажность, неясное бормотание грозы, покоеже на морской при- бой.

Мишо думал о Дениз, о расставании, судорожком и пошепкан — он болелся, выдать был. Она говорила: «Я полочка шапшоро в карма...» Он: «Закрой шею, простудился...» Когда они теперь встретятся? И встретится ли?

Шароже темные улицы, реки... Вот идет кто-то с фонариком. В темноте слабый свет кажется яршим; он освещает камень, решетку вокруг дерева, юнга. Неужели когда-то из улиц были ярние фонари? А свет исчез:

протоний повернул утол. Если бы проеци- тились любовь через эти темные годы, как свет фонарика, как яркотный огонек!..

Июнь 1940 г.

Дениз спряталась у Клеманс; старула только потому и осталась в Париже. До горбатов улицы не доходили ни баряниной бой, ни песни... Тишина казалась немощной. Дениз много раз пыталась выйти. Клеманс ее отговаривала.

— Погоди... Густо — сразу заметят... Клеманс каждое утро выходила с музунком: приносила хлеб, овощи, много см. С на- следствием она готовила обед; ей казалось, что она балует Жаю... Клеманс рассказывала:

— Девушки приехали и Руссо с женой. Го- ворит, что хотела возвращать. Девушка пла- кая, спрашивала меня: «Как коммунисты...» Я смю ответила: «Коммунисты в подполье. Не так-то легко ухватить... Но не такие они, что бы стали слатся...» Что я могу сказать? Я из этого мало. Она говорит: «На что нам теперь наде- яться?» Под немцами никто не хочет жить. Ты возьми колбасу, колбаса хорошая. Масло нет. Скоро ничего не будет. Немцы все выво- дят. Марк у них сколько угродно: печатую и продаю колбасам. Я видела, как девочка выносила яшиной!.. Все खाвают: кофе, мужик, ботинки. Ты ешь получишь! Кто знает... Скоро голод будет. А тебе ярую много см. Де- вушка правильно сказала: «Теперь на них вся надежда...»

Когда началась паника, Дениз сказала: «Я останюсь, буду работать в Париже. Связь поддерживай через Гастона». Накануне при- ходит немца Дениз пошла по укванному адресу. Дверь открыла замкнутая женщина, сказала: «Гастона забрали. А я иду ушаком...» Дениз обинула всех товарищей: заключение дома. Уехали! Они прячутся?

Самый страшным казался ей бедствие. Время шло медленно; немца они готови была сломать стениые часы; тикают, тикают... а в рукоинойе каплет вода — капля за каплей...

Что с Мишо? Она умрет в не узнает, что он жив, не услышит: ей еще как! Они могли бы вместе, могли быть счастливы. Могли бы

звонить ему: ни агстрия, ни живни. В Париже — немцы. Нужно по многу раз по- творять эти слова, чтобы поверять. А Мишо нег. Может быть, его убили... Или взяли в плен... Как это страшно: испать а обе руки живани? Они брани а плен целые армия... Мишо, где ты?

Длинной казалась июньская ночь, а в по- лусне до одурения Дениз повторила: «Мишо! Мишо!»

Вдруг она вспомнила: Клод ей сказал, что его оставят в Париже. Нужно найти Клода. Дениз помнила адрес: она знала ему комна- ту после майской тревоги. Может быть, он там?

Клеманс ее обинула, будто скаржала в дале- коую дорогу:

— Ты губы поуже накрась: они таких на- трепали!

Нужно было пережить центр города. Уаанда первого немца, Дениз поняла,ла, муть было не побежала. Какая противная морда! На Ру- кавах связиста... Но нельзя быть такой нерешо- тельной. Теперь придется все сарвать, все при- тать... Она пошла далеко; дуаала об одвом: найдет Клода, наичуть работать...

Вот и Бульвар! Дениз старалась не гля- деть, но все же глядела. На террасах большо- ших кафе... В витринах были выставле- ны скаржики, сувениры... Дениз шла на немецком языке. Горсоветы предлагали солда- там сувениры — крошечные изображения Эфе- ловой башни, бронец, опрыски а авианы, аеростатные фотографии. Бойко шла торгова- ля. Переводчик франку на марси. Газетчик выкрикивал: «Матэн!» «Виктуар!»

Дениз купила газету, развернула: «Наша привилегия гости, бесспорно, оспаривать то- жество Франции!» В витрине... «Кочият два факультета. Говорю по-немецки. Ищу место обшариата...» Она отбросила ли- сто.

Исторительная, смутная жизнь, лупиков, могильных знаков шла а замкнутым, пустом городе. Продавались картины, рубашки, улыба- ются, остатки чести. С гадливостью Дениз спрашивала себя: и это — Париж?

Она пошла до левого берега; долго про- бралась по пустыям улицам: улицы без лю- дей казались куда длиннее.

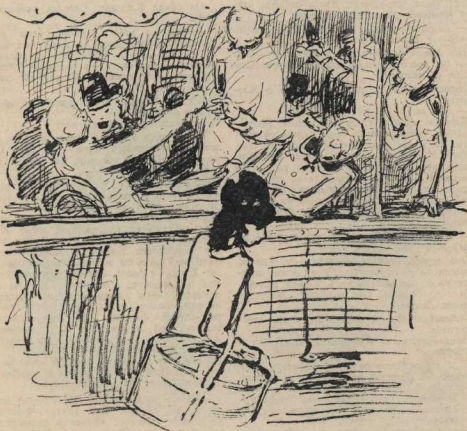
Закоздоватый город! В ошах брошенных магазинных привывые немцы: галустры, иртулки, ботаны с лесочками. Зонтик, как старик, прислонился к заколоченной двери: зонтик за- былся. На балконе засохшая гераль. Клетка, а в ней мертвая птица: «Славная красавица», — пошутила Дениз: встала картинка из детской книги.

Пышные фасады, статуи Возрождения, коло- нны Людовиков — прежде она их не заме- чала; теперь затронула кияны. А теперь камни сплывали повету над людьми.

На бульваре Пор-Ровля горбин разлагали- вал кучу дерева. Провал слонной, стуча пал- кой. Прокрывалась хроний изгородок. Все ка- кая-то все гроды, пошляканы на шестей: они не смогли уйти и заселили город.

Целые улицы. Нахко глухой детей. Металась, испуганные птицы — они не могли прилунуть к гуду моторов: с утра до ночи над зако- лоченным городом кружили немецкие самолеты; они летали низко, казалось, сейчас сржнут крыши.

Пусто... И вдруг люди! По мостовой шла бжежоня, жести а руках замоченных, сон- ных детей. Недалеко тому назад они покидали город. Тогда на их лицах были ужас и на- дежда; они спрашивали, какой дорогой арой- тель, ругали немцевком, мечтали проваться к живани. А теперь они зависли, как слепцы на бойню. Они столько прождали на эти дни! Лежали под аэулетными огнем, громили поезда, плакали перед оправлением коло- щави. Многие потеряли близких, и все — потеряли надежду. Угосли, они не знали, что Париж осужден. Дойдя до Шартра, до Ор- лена, до Жиена, они увидели немцев. Их оставили, погнали вперед. Они возвращались в родной город, как побывавшие на остроу. И мать, опарая а робу на немцев, шептала раскрывавшемуся ребенку: «Атеш!»

Дениз увидела на стене плакат: немецкий солдат держит ребенка; ему доверливо улыбается женщина; надпись: «Вот покровитель французского населения!» Рядом обрывки старой театральной афишки: «Олеон... Премьера... «Укрощение спротивной»... Глаза немца были синими и блестящими. Эти глаза теперь отводило глядела на Дениз. Она отворачивалась, глаза влажнелись слезами; она перешла на другую сторону — та же яркая синяя змея. И, не выдержав, Дениз вскрикнула: глаза, отделившись от стены, шли настрелу. Она не сразу поняла, что это живой человек. А лейтенант ириво помогал губами.

Дениз вышла на авеню де Гобелен. На самом привке стояла очередь — двадцать или тридцать женщин. Потом заматывался платок, косы, колготки:

— Солдат идут!

Женщины кинулись к соседнему дому, и на асфальт пролился синеватое, желтое молоко. Колотилки вывели из ворот колючку. На нем были солдатские штаны, синяя рабочая бауза. Кто-то крикнул:

— Мать прокурат!

Старуха (Дениз в первую минуту показала, что это Клема) подошла к солдату, крепко его обняла. Он шепнул:

— Прощай, мама!

Его втокнули в фуруго. Мать, оглядев смущенные полицейские, сурово сказала:

— Вот значит, на кого вы работаете!

И снова синие змеиные глаза — пьют коньяк, едят колбасы, гогочут...

Дениз свернула за угол. Это был первый квартал за площадью Италиа. Дома будто раздвиге — грязь, уродство; их больше не скрывают ни шум толпы, ни пестрые автены. На скамейке старик играет в карты. Женщин стоит в подворотнях, готовые исчезнуть, как только издадут солдаты. Но немцы снова не заводят. Дениз позвонила. Никого... Кто знает?... В последние часы люди уходили против воли, позвонив ртуту шпоз, безумному желанно другим — вылезать, уйти. И потом Клода мучил арестовать: немцы заходят в дома... Дениз предчувствовала: ей шорока...

А Клода — рука на заднице — внимательно думал: вот и пришел! Не открывал — сие инвита свободо...

— Ты!

Они долго ничего не могли вымолвить. Наконек Клод сказал:

— Довольно. Я все-таки не думаю, что при-

дется это увидеть. Ты понимаешь — немцы в Париже!

Дениз поглядела на него: серые щеки, а глаза блестят... Исхорошо! Печальная комната — на столе ломтик хлеба, геральд со стихами и книга «Как закаряться сталь».

— Надо что-то сделать, — сказала Дениз. — У тебя есть сынок?

— Нет. Из наших остались только Жюльен. Но как его найти? Я думал, что он придет... А по улашном он не ставит ходить: теперь каждый человек заметен. Они ищут... Книги вепаром остались: он с ними работает.

— Надо что-то сделать, Клод! Беженцы возвращаются, и первое, о чем спрашивают, как коммунисты? Нельзя ждать. Проступно!

— Гекториф есть Червила, бумага — все осталось. Только ни к чему... Разве мы с тобой знаем, о чем теперь писать?

Он мучительно качивался. Дениз молчала. Она ловила бессмысленность зати: конечно, Клод — хороший товарищ, смелый, годен на все. Но он не знает... как она. А связаться не с кем...

Она сидела, сгорбившись, у окна. Перед ней была мертвая улица. И как-то внезапно она аспонивала все. По той улице проходила демонстрация. Дениз увидела красивые вали на балконах, услышала диме. На деревьях, как воробьи, кричали мальчишки. Женщины подмалывали кулаки. Все пестрело, звучало, абираторово. Вперед колонны шагала Мишо. Вот они... Дениз выпрыгнулась. Мишо, ты здесь! Он не ответил. Он шагал и глядел прямо перед собой. Очень высокий и веселый. Через окна шагал, через немца — Мишо знает, не ошибется, не отстанет. Как она могла подумать, что Мишо убьет? Мишо не может убить. Мишо идет.

Смутно улыбаясь, Дениз шевельла губами:

— Клод, дай бумагу.

Ему показалось, что она шеплет стая; он отшел на цыпочках в угол. А Дениз искала слова, муштвовала: они рядом — и не могла их найти. Слова встала фраза, которую она поговорила на бульваре: «И это — Париж!» И слова понеслась, обгоняя одно другое: «Коллибель революции... Город Коммуны... Сердце Франции...»

Ей казалось, что она слышит голоса солдат, которые бродят, всеми брошенные. Голоса пленны — они на порогах бьют камень, над ними издаются гитаровцы. Голоса бо-

женцев — длинные, страшные дороги, а люди бродят, бродят... Говорят французский народ. И дальше — другие... И маленькая женщина, одна, в востом горюке слышала плач, тишину, слова гнева и надежды. Она встала, не оставалась, будто ей кто-то дышет.

Клод прочитал и тикомым вытер глаза; всталвал книга; рука была в липоных чернилах.

— Дениз, как ты такое написала?

— Ты!

Она услышала тяжелые шаги патруля. Потом громкоговоритель, установленный на машине, выкрикнул:

— Заходите в дома! Время! Заходите в дома! Время!

Июль 1940 г.:

Дениз не кинулась к нему, не обняла его, ничего не сказала; она только не сползла с него котомешникт главо, и не то страх был в них, не то восторг.

Мишо улыбаясь; потом ему стало не по себе:

— Что с тобой, Дениз?

— Как мейтал об этой встрече! Деять дней тому назад он ударил часового камнем по голове. Камень был горячим от солнца. Короткая тень немца пропала. Мишо проехал до вояи в овраге.

Одежду ему дала старая женщина; предложил остаться у нее до утра.

Он глядел на беленую стену. А женщина перешивала пуговицы: шпалка был се покойного мужа, директора ехпелитического патронаж Сен-Жюста. Мишо спрашивал: что в газетке? Она отвечала: газет теперь не читает, газетки стали немецкими. Стучала стетные часы. Газеты были дивными. О сие они не думали. Наряды разговаривали, и странным был их разговор:

— ...Его Лерге зовут. Тоже коммунист...

— ...Я живу на другой земле. Я верующая.

А Гитлер...

— ...Ноназнуку!

— ...Потому я вас слушала, Они расклеили в Сен-Жюсте приказы: за помощь патенным — расстрел.

— ...Мени вели. Отложили на день. Утро было, птине...

— ...Мне пятьдесят восемь. Это близко от смерти, но это еще живье. Все переуталося. Муж думал, что мн погибнет от вас. Я тоже так думала... Может быть, это было

тысячи книг напишут. Через сто лет... А мы за нами — переедем к победам, и еще как, Денис!

Денис схватил его за руки:
— Мишо!

Перед ней был прежний Мишо. Значит, и она живая. И жив Париж. И можно это пережить, можно победить...

— Клод сказал:
— У них большая сила. Каждую ночь продолжают. Теперь они с юга идут — к морю. Хотят Англию взять.

Мишо усмехнулся:
— Хотят. Только неизвестно: возьмут ли? Разве они Париж взяли? Париж ни в рот сальси. А Черчилль взлетит — не Петлю. Я тебе не говорю, что у них мало сил. Солдаты и танков вадала. И порядок, все по-немецки. Но сорвутся — она, обязательно сорвутся. Может быть, в Англию, может быть, в другом месте, не знаю, но сорвутся. Мы силнее.

Денис выплюнул брови:

— Как силнее?

— Сенит, Англия. То есть флот, авиация и народ. Америка. Завоеванные страны. Все выходы. Норвегия, Голландия, Дания, Бельгия, Франция, Польша, Чехословакия — ведь на пальцах считать. Арми у нет, но народ — то есть в самой Германии, думайшь, ведь наших? Есть, Господи! А главная сила — Россия.

— У их такт... волахнул Клод.

— Ну и что? Гитлер обязательно выпадет. Разве он может вывести, что такое государство существует? Это даже ребенок понимает. Значит, русские ему покажут. Мы увидим, Денис, Красную Армию, обязательно увидим!

— Скажи и еще как? (Денис смеялся.)

— Скажи и еще как!

Клод ушел за бумагой. Он шел и думал о словах Мишо. Если Мишо говорит, — это правда. А Мишо всегда говорит правду, народ. А сейчас Мишо говорит миллионы. Денис и для Клода. Они знают, и они расскажут другим.

Клод улыбался — на грязной, заброшенной улице полуотвернутого Парижа; глядел на немецких солдат улыбаясь; он улыбался, он видел дородо: крохотную красную звездочку среди белого тумана. Худой, мучимый обостренной болезнью и лишениями, он сидел как ребенок, и, вынув из кармана кулечек мела, оглянулся, шагнул на серый голубой спуск: «Гитлер начал — Сталин кончил». И подмигнул дороду — черному на своем асфальте.

А в мастерской было тихо. Обнажившись, молчал и Денис. Потом, ссыбодившись, Денис сказал:

— Париж... Ты не знаешь, что стало с Парижем? Вчера я видела, как немцы ударили рабочего револьвером по голове... Тот свалился, а немцы даже не обернулись... Жемье обвинила в том, что он слушает лондонское радио. Его пытали два дня. Немецкий офицер сказал Мари: «У вашего папа я пиджак в крови. Привнеси унес». Она привнесла, офицер сказал Мари, унес, а вернувшись, говорит: «Вы еще ждете? Чего вы ждете? Ваш отец умер в английском раю. Одним словом, он умер от ослеплого смерью праведника. Преступница, жиданью...» Издавала. Мучают Мишо и то и другое.

— Нет. Фамисты. Я тоже видел... Ребенка. Нет, я буду рассказывать... Но счастье будет, Денис, большое счастье! Неужели не вершь? Ты пойми: мы победим, это совсем просто, как то день после ночи или счастье — это счастье. Иначе и не может быть. Иначе не бывает. Какие у нас чудесные люди! Душу отдать готовы. А кто у них? Грабители. Или выродки. Обязательно победим! И тогда будет счастье — оно не стоковольно, людей! О большом и простом счастье. Самом простом: жить, дышать, не бояться шагов, не слушать сирен, нянчить детей, любить, вот как мы с тобой... Будет счастье, Денис.

Она отыгнала торжественно, как англичанка — Будет.

В СТАНЕ ВРАГА

Шедри в 70-х годах прошлого века писал о немецком, прусском офицере: «Самый густой элемент берлинской уличной жизни — это военные... тогда и прусских офицеров можно было бы назвать обаятельными, что не мешает ему, впрочем, относиться к близким с строгостью. Мне кажется, что Дерковичю именно был бы такъв, если бы не знал его Словник Душановский и он сам не имел бы слабости к спиртным напиткам».

Тулая малометность немецкого офицера, его малометная ограниченность сделали его эталонной фигурой в международном военном мире еще до фашистского грязного погота в Германии. Фашизм придал образу немецкого офицера черты богатыря и вождя вселенной. В германской армии офицерство — это после штурмовиков, охранников наиболее надежная опора фашизма. Противоположный внешне, немецкий офицер устоял перед преобретательным отношением ко всем народам мира. В окупированных странах он расказывает, вытискивает грядло, требует, чтобы ему унижение являлись как «опытнее». Как свинья, салит за собой, он кланет и лезет на стену. Он груб, жесток, лезет в самое чужое бытие городов. Его «культурность» выражается в злободневных выписках, внешней чистоте, мешиаского интеллигентства.

Этот свой традиционный стиль жестокости, тугой, жесткой немецкий офицер провлек через всю Западную Европу. Они являлись были такими и у нас. Они сохранили малый вид даже после в плен. Самоуверенность не покидала их и после поражения. Они держались выказывание на «подросок». Редкий был случай добровольной сдачи в плен немецкого офицера. А появляясь в плен против своей воли немецкие офицеры рассматривали это как несчастный случай и не пытались обобщить свою неудачу. Если у них появлялись сомнения, они тщательно скрывали их. И в плену они продолжали чувствовать себя офицерами. Гитлер продолжал тишигитировать их своим взором.

Нашекие солдаты скорее озабочивались от фашистского дурмана, чем офицерами. Отныня жар боя, в любой обстановке постепенно улетучивались и вневременные палачий дисциплинарный страх и в немецком солдатском обиходе, рабочий, крестьян, мелкий служацкий. Вместе с этим являлся развивавшийся язык, начинала работать мысль. Немецкий офицер и в плену оставался выхожден из класса господ. Ему трудно было думать, он не мог думать о событиях, потому что самостоятельное мышление, а тем более критическое, почитается для немецкого офицера, да еще титлеровца, чем-то оскверняющим неприличными и рвущимися его офицерское достоинство.

Однако после десяти месяцев войны в Советской стране германские армия уже совсем не та, какой была прежде. Под ударами Красной Армии она превращалась в наемных — и внешне и внутренне. Огромные потери уменьшили состав германской армии. Хорошо вышколенные кадры сменились, сравнительно необнастроенными. Упал воинский дух. Ослабела дисциплина. Язык унылый, огниная, непереносимая. Не было стокословия, люди не заметили при первом взгляде. Германская армия еще сильна, и у фашистов достаточно средств, для того чтобы держать в повиновении и внутренне. Огромные потери уменьшили, бросать в контрпартиза. Но червь жует сердце и ум немецкого солдата. Процесс разложения идет непрерывно, все нарастает, и нет силы, которая могла бы его остановить.

правдой — вчера... А теперь... Я получила «Ордэ», Дюкана приказ, что коммунисты — патриоты.

— Дюкан повелал, повелал...
— А вы? Все оподалано... И пришли они... — Я думаю сейчас: где правда — не на один глаз, постоянная.

Ее мутные глаза остановились на рисе радости. Снова щель окна заселер рассвет. Перед Мишо была Денис, горячая и живая. Он повелал, повелал...

И вот Денис радом. Но она не смеется. Он ее поцеловал — у нее холодные губы.
— Денис, что с тобой? Видишь: я ушел, слепоса...

Она расклакалась, как ребенок, шумными слезами. Мишо успокаивал.

— Слеса... Не плачь, Денис...
Снова слезы она говорила:
— Мишо, ты меня поцеловал, и мне стало так страшно... Я не верю, что я живая... Ты не понимаешь? Я не умею сказать... Мне кажется, что мы все умерли... А живем для вида: немцы приказали...

Он не сразу ответил: не хотел признаваться, что и сам не раз это чувствовал: после Аграсса... Говорил себе: нельзя быть малодушным. Его подтерпевала обрза Денис; он поочему-то думал, что Денис его встретит улыбкой, теплом руки, живяно; растерлся от ее отчаяния; молча глядел раду.

Это было в маленькой мастерской лудильщика возле Порт де Версай. Здесь Денис и Клод печатали листовки. До той минуты, когда она увидела Мишо. Денис был спокойной: говорила Клоду о борьбе, о силе, о победе. Сейчас они были одни.
— Не плачь, Денис...

Привнес Клод. Она заметила Мишо, запылавшись, радостно бормотала:

— Шпрэф завтра будет. Понимаешь? — и вдруг крикнул: — Мишо! Ты! Теперь мы спасены. Денис, мы спасены! Понимаешь?

Для Клода появление Мишо было победой, торжеством их дела. И его радость вернула силы Мишо. Он понял, как его жалея: начал сидеть себя (Денис думала, что стидит ей).
— Будем работать. Это замечательно, что Клод с нами. Клод, замечательно, что ты нашел шпрэф! Будем печатать листовки...

Денис волахнул:
— Самое большее — пятисот...

— Да за начала и это хорошо. Приходится начинать сначала. Обои почтала толмач дюна. А нас все-таки побольше... Нурно пережить это время. Сейчас все честные люди растеряны. А меркантилы торжествуют. Я сегодня видел листовку Дюро. До чего он горды! Можно подумать, что это он амад Париж. Нурно все пережить. И главное — фашизм. Да ты понимаешь, что это: пережить фашизм? Об этом будут писать, как об эре,

Этот червь забрался и в сердце немецкого офицера, казалось бы, забронированное от таких вредных для германцев идей, как уныние, тоска, размышление. «Уныный, крупный, доволный» немецкий офицер потерял привычную самоуверенность и... заумчался! Это — прямое следствие того, что победная для него война на советско-германском фронте сошла с напольного лила и сильно поубавила крупноту. Немецкий офицер потерял свой штегельский вид. Он почти так же грязен, как и его солдаты. Он выжил! Могло ли ему быть в командном совещании после вышлеха признаться, что он будет неспасать яростно я злобно, как последний ездочкой? Что он будет олет в какой-то шутковской бабы тринь? Что ему, олетому в этой триньке, неведомо, бурно ли в отдалении чести от такой же шутковской бабы в мазашее чине?

Все это протрелала с ним прожитая война в Советской стране, какое же ездочество может еще сохраниться в фигуре, но внешне обман! А с перемовой во внешнем облике связаны и глубокие изменения во внутреннем складе. Дар речи библейской валаовой ослыпы представляется мезыным чудом, чем что заворчал неверующий от удивления.

Мы напомним к этому разряду лейтенанта Геризра Фрейтага, немецкого военного летчика, переделешего на нашу сторону 13 февраля. Это незаурядный молодой офицер: он, зряки желавшие сражаться на стороне Красной армии и дал уничтожающую характеристику гитлеровского режима; он сам отказался от немецких офицеров и летчиков как о людях, которые епродать свободное время в казино за карты и вышывкой и мало интересуются другими вопросами. Все же это — не только его, Геризра Фрейтага, мнение, «его побода остается на стороне русских»: он свидетельствует, что «настроение на родные оины подальшее. Уверенность в побезде, которую нам старается внушить, находит себе все меньше сторонников».

Капитан Альфред Ливендаль, командир полка, и лейтенант того же полка Гельмут Гроендер добровольно сдались в плен... «привиделась тебе так, как будто в воздухе висели их полк, а сив сами несколько дней вместе с горсткой уцелевших солдат бродили по лесу. Мороз основательно выстулал их фашистские души, но еще сильнее, чем мороз, делало омование безразличности гитлеровской авиаторы. Сидя в плен предшествовали беседа по душам и офицера между собой и офицера с солдатами. Перед лицом страшной смерти они не могли не ставить перед собой вопрос: во имя чего принимать смерть в русском лесу? Ответа на этот вопрос не было».

Капитан Ливендаль сказал, слышавшего: «Не только мое поколение, но, я думаю, поколение всех наших войск в России безнадлежно. Я слышал из этого свои авионы, повторил с солдатами и с лейтенантом Гроендером и выжил из их рядов».

Лейтенант Гроендер прибавил от себя уныло: «Я твердо знаю, что мы разбиты... Эта война — рожковая авиаторы. Германия обречена...»

Эти мысли в раннее приходили в голову многим офицерам. Командир полка полковник Готтсмер, впоследствии говорил лейтенанту: «Что же это: грубый прочет или преступление? Ведь нас посылают на убой!»

Этот полковник не успел высказать свое мнение гласно и публично. Быть может, кроме его друзей, никто и не догадался, что червь сомнения подтачивает сердце гитлеровского полковника. Но как может такой червячий полковник вести к побезде сильных червячий полк?

Подполковник Рейнголд Преске, командир 188-го пехотного полка, привел и себя и своих солдат — все что осталось от его полка. Он потерял всякую веру в германскую армию, потерял все, чем жил прежде — так объяснил свой поступок этот сложивший оружие немецкий командир.

Сдався в плен враг 1-го батальона 163-го полка 52-й немецкой пехотной дивизии Эрих Хоер. Ему хорошо знакомы настроения немецких солдат. Всеми средствами они стара-

ются уклониться от боя. Разделое множество солдат. Немецкий солдат стал не столько унылым, но ослеплым и апатичным. Чего никогда не бывало: немецкий солдат устывает в прекращении с офицером, не выполняет приказов, и нередко устывает офицер, боясь осложнений!

Можно сказать, что некоторая болязнь и остротенность привнесена, что добровольно сдается в плен. Но развиваются также и у тех, кого берут в плен против их воли. Еще не так давно обер-лейтенант Эдуард Петролат, командир отдельного саперного взвода 592-го пехотного полка, несомненно, держал бы себя на досрочке нагало и вылаивал: так ои он складка человек — типичный прусский офицер старой школы: не расположенный эт люди к откровенности. Но теперь он завали мрачно и утробно: «Эта война, по-моему, безнадельна для нас. Мы имеем в летом наступлении, осемью — в обороне, а теперь, зимой, приходится отступать по снегу в в мороз».

Никаких надежд на весну обер-лейтенант Петролат не возлагает. Он достаточно оптимичный человек и понимает, что на достоянии, но гоббелсовские радиопередачи не привнесут «взвуть» измотавшему германскому воинству.

Вот еще один старый гитлеровский полк, капитан Герард Егер, командир тяжелой немецкой батареи. Он кавалер двух железных крестов, член фашистской партии с 1930 года. Повнуря голову, он говорит об ороных потерях германской армии и о том, что многие немецкие офицеры уже не верят в победу «Гитлер ошлюс, Гитлер просчитался», — уныло говорит этот старый слуга Гитлера. Он не сразу пришел к этому выводу. Он долго умул об этом, когда бродил оши по лесу, потеряв свой штаб, спавшая от соседства людей...

Это происходило на Северном фронте. А на Южном авиный в плен обер-лейтенант 298-й немецкой пехотной дивизии Эрих Хартунг взлетал о те самое: немецкие офицеры не верят в победу германской армии. Он говорит: «Среди офицеров чувствуется какое-то напряженное и мучительное ожидание».

Все это слова и мысли воюющих немецких офицеров. Но эти мысли и слова родились не в плену: они существовали и раньше. Об этом свидетельствует дневник немецкого офицера Франца Кальтгоффа. Этот офицер с сам был раздвезд сомнениям, и встретил об весоду такж же, как он, начинающий рассуждать немецких офицеров. 26 декабря он записал: «Ночью был в офицерских бараках. Здесь омыл много раненых офицеров. Настроение унытелное. Планимерый захват рус-

скими позиций у Калинин, Калуги, чрезвычайные алода, отставка Вружана, Бюка, Рушштеда, затрудовлен в питании и снабжении — все это действует очень сильно на войска».

Автор дневника вел на эту тему беседы с другими офицерами, а выходы из этих бесед таковы: «Из различных высказываний можно заключить, что моральное настроение войск отчаянно».

Эти и другие записи одного немецкого офицера подтверждают общирную докладную записку другого немецкого офицера. Он сообщает своему начальству о невозможности держать фронт: «Я с ужасом предвижу, что в оид прекрасный день, когда русские сделают сильный навал, все части, находящиеся этот малюнький фронт, побегут, как стаа диакрей».

В части, о которой идет речь, совершенно распалась дисциплина. Немецкий офицер знает: «Офицеры и утер-офицеры делают все, что в их силах, для того чтобы изо дня в день поддерживать дисциплину, но люди предельно измотаны».

Немецкие офицеры говорят, открыто, полагая в плен. Они оговариваются о потахоуки в своих офицерских помещениях. Они делятся своими сомнениями в итинных дневниках... Эта сомнения таковы, что их невозможно скрыть. И, наконец, один немецкий офицер высылает их на страници немалой фашистской печати. В немецкой газете «Амбургер фреденблатт» запечатана статья старшего лейтенанта Блюта. Он ошмывает ба на советско-германском фронте и говорит, между прочим: «Мы очень озабочены мыслями о будущем. Наша потеря велика. Все солдаты измучены».

Трудно в открытой фашистской печати сказать что-либо больше того, что сказал этот немецкий офицер. Он не раскрывает своих мыслей о будущем. Испо, что это новелесные мысли. В разных местах: в плену и на свободе, открыто и тайно, на разных фронтах — немецкие офицеры, признавая которых привелись выше, не стоваривая, говорят одно и то же, у них один и тот же унылый тон. Оши же, у них один же сердца, раздалась им асеру, их издество, их единство.

Много или мало эти офицеры? Как далеко авлет этот процесс разложения в офицерских кругах германской армии, отражающий несомненно более глубокий процесс разложения в солдатских ее низах? Мы не знаем этого и не будем пероошывать этот процесс. Было бы то, что он иждество, что он будет нарастать, что сердцевины германской армии будут все больше раздвездаться тилью. Чем сильнее удары Красной армии, тем скорее будет внутренни распад Германской военной машины.

Германские солдаты, находящиеся в оккупированных странах Западной Европы, сопротивляющиеся перебресе на советско-германский фронт (из газет).

Рисунок Ю. Цишевского

(из фронтовой газеты).

Весенняя охота.

ПОЕДИНОК С ТАНКОМ

Небольшая деревушка на косогоре. Через нее проходит шоссе. Рассекая пополам деревню, она заледает край леса и далее перемахнула через гребень высоты, уходит вниз, в долину, чтобы снова взобраться на следующую горуку, где расположена другая деревня. Там противник, Березе, ожидают, что он вот-вот оттуда двинется.

Наши подразделения занимают деревушку и прилегающие к ней высоты. Впереди деревушки, влево от дороги, расположился отряд истребителей танков; вправо от них окопалась рота пехоты с противотанковыми пушками; за окопкой, а лесу, вправо, также подразделения лейтенанта Лавренко. Вокруг тихо. Неправично тихо. Не слышно ни выстрелов, ни надоевшего шума самолета. Кажется, все уснуло — и природа и люди. Но это не так. Наши бойцы и командиры бодрствуют и напряженно всматриваются в озазеленную деревушку, что на горе.

Первым заметил танки противника наблюдатель истребительного отряда, смостривший в стереотрубу. Вскоре уже и простым глазом можно было видеть, как от деревни, вдоль шоссе, двинулись танков, издали похожие на черных жуков. Они шли как-то нерешительно, постреливая из пулеметов. Это обычная тактика немецких танкистов — поднимать трескотню на пулемет, когда их огонь еще недействителен. Делают они это для того, чтобы загнать страх на противника и заставить его обмарнуть себя. И теперь эти 7 танков начали стрелять уже с расстояния 2 тысяч метров. Но бойцы молчали, ожидая, пока враг подойдет поближе.

Постреляв из пулеметов, немецкие танки повернули обратно и скрылись за горкой. А через минуту оттуда появилось уже около 40 машин. Развернувшись по обе стороны от шоссе, они быстро двинулись к нашим позициям. Начался бой. Танпуш разорвали орудийные выстрелы, взрывы гранат, треск пулеметов. Бой продолжался полчаса. Вот его итоги: 6 неприятельских танков подожжены бойцами

истребительного отряда, 10 уничтожены артиллерией и 8 — нашими танкистами. Уничтожено 16 немецких танков повернувшись обратно и скрылись за бугром.

...Этот боевой эпизод произошел осенью прошлого года, когда бронетанковые дивизии фашистского генерала Гудериана рвались от Орла к Туле. Бросив в бой массу танков, немцы рассчитывали безостановочно доходить до самой Москвы. Но оказалось, что это не так просто. Натиск немецких бронетанковых дивизий разбил о стойкую оборону наших частей, защищавших подступы к столице. Пожелав, за три летних месяца войны немецкая армия потеряла меньше танков, чем в боях под Москвой. Здесь фашистские танковые армии понесли такой урон, воплотить который им будет трудно.

До войны среди военных специалистов шел спор о том, можно ли остановить напор больших масс танков, удастся ли найти средства для этого. Война ответила на этот вопрос. Она показала огромную роль танков, она выдвинула также и эффективные методы противотанковой обороны.

Для того чтобы успешно бороться с танками, нужно, во-первых, мастерски владеть противотанковыми средствами и, во-вторых, жить же мастерски владеть собой, то есть своими нервами. Нельзя говорить, что от истребителя танка требуется один меткий бросок гранаты и девятно десять процентов хладнокровия и отваги. Известны примеры, когда небольшие группы отважных бойцов отбивали атаки многочисленных танков противника. Но военная практика знает и такие случаи, когда немецкие подразделения попадали в беду из-за того, что завидев вражеские танки, люди не сумели проявить достаточной выдержки, чтобы храбро вступить в бой с бронированным противником. В бою побеждает тот, кто ни при каких обстоятельствах не теряет присутствия духа, кто проинкуит одной мыслью — уничтожить врага.

— Когда я вижу перед собой немецкий танк,— рассказывает лучший истребитель танков той войны, Вильке,— и превращаюсь в охотника, выслеживающего дичь. Единственное, о чем я почти готов умолять противника,— это подождать ко мне поближе, чтобы я мог пустить в ход гранаты и бутылки. Я испытываю радость, когда под ударом моих гранат и бутылок вражеский танк начинает дергаться на одном месте и замирает, окутанный дымом.

В эти слова нет преувеличения или какой бы то ни было расхола. Советские истребители танков — это истинные охотники за бронированным фашистским зверем, ищущие с явным восторгом и убеждением своей скорой, смелой, железной стойкостью. Бесмертвный повод двинуть немца вправо-влево, прерывающий путь целой немецкой танковой части,— пример того, как велика сила духа, основанная на непреклонном желании победить.

Моральная стойкость каждого бойца — важнейшее условие успеха в борьбе с вражескими танками. Французская армия была оснащена неплохой артиллерией, способной вести борьбу с немецкими танками. Но у французских войск не оказалось достаточной стойкости, чтобы вступить в решительный бой с немецкими танковыми колоннами. А в бою с танками тактика зайца, издеющегося по поводу своих ног, просто гибельна. Здесь нужна скорее тактика трюфа, отвечающего прыжком на попытку нападения...

Танк облетает немалой силой. Но он не так уж страшен, как это кажется людям, незнакомым с его устройством. У танка есть и слабые стороны, которые можно использовать истребителю. Танк проходит по целине лучше, нежели обычная колесная машина, но нетрудно соорудить такие препятствия, которые танк не сумеет преодолеть. Экипаж танка защищен броней, но современное противотанковое оружие пробивает даже толстую броню. Умело используя это оружие, можно нанести вражеским танкам серьезный урон.

Самое популярное противотанковое средство — бутылка с горючей жидкостью. Танкист скорее согласен встретиться с двумя пушками, нежели получить на крышу своей машины пару таких бутылок. И это правильно. Не желая попадать врасплох, танкист танк из строя. А горючая жидкость, проникнув в танк, превращает его в факел, и экипажу выжить не остается, как спешно выбраться из танка и удирать. Так немецкие танкисты обычно и делают.

Вспоминается такой случай. Стрелковую роту части полковника Иванова, обстрелянную на опушке леса, атаковали десятки три немецких танков. В первом шквале, зарыга пламя, шли огнеметные машины. Несколькими танками удалось ворваться в расщелину нашей вихри. Окопы окутаны черным дымом. Но вот в воздухе мелькнула противотанковая граната, раздался взрыв — и передний танк резко остановился, еще раздался взрыв — и вторая машина. Тогда из окопов потесили бутылки. Вскоре вражеские огнеметные танки сами превратились в кусты. Танкисты выскочили из машины и в пылуе замесили между деревьями. Танки второго шквала, не достигнув опушки леса, попали под фланговый огонь наших танков и, понеся потери, ушли обратно.

Этот эпизод позволяет сделать некоторые выводы о тактике применения бутылок с горючей жидкостью. Танкисты должны применять их в сочетании с противотанковой гранатой: сначала взорвать танк, вынудить его к остано-

Лесная, поворотная, скорострельная противотанковая пушка — одно из основных средств борьбы с танками. Действуя быстро и плавно, раба противотанковой пушки метко поражает фашистские машины.

ке и тут же збростать бутылки. Заметив опасность, противник, несомненно, увеличит скорость, чтобы избежать попадания. Для большей гарантии успеха следует збростать движущийся танк сосредоточенно: пусть по одной машине бросают бутылки сразу несколько человек. Момент броска диктуется обстановкой. Метатель гранаты или бутылки должен принять все меры предосторожности и непрерывно следить за поведением танков. Наиболее благоприятно для противника такое положение, когда танк замедлит ход или остановится и башня его будет повернута в сторону от истребителя. Но в критические минуты боя ни огонь вражеского танка, ни скорость его движения не должны мешать метальщику применить свое оружие. Само собой разумеется, что истребитель танков должен в совершенстве владеть техникой броска гранаты и бутылки, попадать ими в цель, движущуюся на большой скорости. Достигается это искусством тренировки.

Гранаты и бутылки с горючей жидкостью являются распространенным противотанковым средством. Применению их обязан научиться каждый молодой истрiot.

Противотанковое ружье было известно и до войны. Но только на поле боя во всей полноте раскрылись его чудесные свойства. Укус маленькой пули противотанкового ружья опасен даже для танка с толстой броней. Военная ценность противотанкового оружия — в его простоте и простоте обращения с ним. Его может переносить один человек. Ружье трудно обнаружить из танка. Тому, кто хорошо умеет стрелять из обычной винтовки, нетрудно стрелять и из противотанкового ружья. Это простое на вид оружие наводит страх на фашистских танкистов. «Сборишь, «домойта змея», «собирай» — вот далеко не полный перечень тех эпитетов, которыми вражеские танкисты называют наши противотанковые ружья.

Практика показывает, что противотанковые ружья лучше всего применять группами, подвывая танки противника сосредоточенному обстрелу. Особь заслуга немцы с дистанции 400—300 метров вельды до стрельбы в упор. Не вояже попадание опасно для танка. Поэтому стрелять надо по его живучим местам — башне, моторной части. Достичь попадания в эти места нетрудно, так как меткость огня из противотанкового ружья исключительно высока.

Интересно, что наши бойцы с большим успехом используют противотанковые ружья для борьбы с самолетами. Не одна немецкая самолет уже обит пулями советских противотанковых ружей.

Весьма эффективное средство борьбы с танками авиа. Это, так сказать, — «плавающие» оружие: требуется, чтобы танк наехал на мину, и тогда она взорвется. Тут все зависит от того, насколько искусно будут установлены

Противотанковое ружье почти незаметно на местности. Его расчет составляют всего два человека. Но это простое оружие наносит вражеским танкам смертельные ранения. Гвардейцы наводчик И. И. Карнаков и заряжающий П. М. Малахов (Юзовский фронт) в нескольких боях уничтожили выстрелами из своего ружья два фашистских танка.

мины. Минно скрытно располагать их на пути вероятного движения неприятельских машин. наилучшее расположение мин определяется путем тщательной оценки местности. В тылу у противника мин следует устанавливать на путях ожидаемого движения неприятельских машин, лучше всего там, где останова одной машины создаст затруднения. Хорошие результаты дает такой способ: мина привертывается к веревке, с помощью которой боча, нахомя в укрытии, старается подтянуть мину под гусеницу движущегося танка. Существуют и другие способы применения мин. Главное тут — хитрость. Мина — это своего рода капкан. Подобно тому как охотник применяет тысячу ухищрений, чтобы заставить зверя оставить свою лапу на палочку капкана, точно так же должен проявить большую изобретательность и хитрость боец или партизан, охотящийся на немцев с помощью противотанковых мин. Известны случаи, когда наши партизаны, искусно используя мины, парализовали движение немцев на больших участках тыловых дорог.

Большим подспорьем в борьбе с танками служат искусственные препятствия: рвы, заграждения, мины, ловушки, колоды и т. д. Но нужно помнить, что сами по себе препятствия не остановят врага. Препятствия хороши, когда

они сочетаются с активной обороной. Это, конечно, не означает, что нужно отказываться от возможности збростать переправу на пути движения вражеских колонн, опираться дорогу где-либо в узком проходе и т. д. В лесу, где обстановка довольно серьезная, препятствием для танков могут быть завалы (из поваленных деревьев). Если лучше, если завал минирован; тогда противнику не так легко будет растопить его.

Мы не говорим здесь о самом изощренном противотанковом оружии — о нашей советской артиллерии, танках и авиации. Мы перечислили лишь те противотанковые средства, которые доступны широкому массам советского населения в борьбе с фашистскими танками.

Вражеские бронетанковые дивизии были изрядно побиты в осенних боях прошлого года. Нужно полагать, что немцы в течение зимы сумели кое-что сделать для восстановления своего танкового парка. Но и мы не дремали. И если враг попытается еще раз добиться успеха с помощью бронетанковых дивизий, то он встретит еще более сильный отпор, чем осенью прошлого года. Красная Армия имеет достаточный опыт и средства, чтобы отразить массовые атаки вражеских танков и нанести гитлеровским танковым дивизиям сокрушительный удар.

Один из обычных фронтовых пейзажей: фашистские танки, превращенные в груды желазенного лома молчаливыми ударами советской артиллерии и противотанковой авиации.

В конце беседы начальник штаба авиации вынул из папки три документа и протянул их со словами:

— А это для полковника Картина. Прочитайте. Вот что гласит документ:

«...Неоднократные действия летчиков, громивших фашистов, наблюдались в вооруженном частями районе. Случай, когда 26 фашистских стрелков собралась атаковать дивизию на марше, но была разогнана и не допущена эскадрилья МИГ'ов, до сих пор с гордостью за наших летчиков вспоминается в частях армии, так же как и другие героические действия летчиков соединения» (из приказа по И-ской армии № 017).

Второй документ, за № 055, был подписан командующим военно-воздушными силами фронта:

«...Всем частям стало в пример боевую работу авиации и требую работать так же, как эта авиация».

И, наконец, третий приказ по И-ской армии:

«...За 13 успешных летний дней уничтожено и повреждено танков 49, автомобилей 817, орудий 20, зенитно-пулеметных точек 19, снарядомойлер 3, тракторов 1, легковых автомобилей 1, повозок 315 солдат и офицеров свыше 3000». — Это работа летчиков подразделения майора Зайцева, — сказала полковник, указывая на последний документ. — Отлично пикировщики! Советую познакомиться.

***

Летчики подразделения, которым командует тов. Зайцев, стали пикировщиками сравнительно недавно. В отечественную войну они вступили как обыкновенные бомбардировщики. Новую материальную часть осваивали на ходу, в процессе боев. Чтобы представить себе, насколько это сложный и трудный процесс, надо знать особенности пикирующей авиации.

По скорости пикировщик не уступает хорошему истребителю. Бомбовая нагрузка у него лишь немного меньше, чем у среднего бомбардировщика, а вооружение более мощное.

Пикирующий бомбардировщик может атаковать цель не только при горизонтальном полете, как легкий самолет, но и с пикированием, то есть под большим углом, с резкой потерей высоты.

В нем преимущество бомбометания с пикирования?

Летчик направляет свой самолет почти отвесно прямо на цель и сбрасывает бомбу на высоте тысячи, а чаще четырехсот—шестистот метров и сразу же выходит из нее. При этом не только резко увеличивается меткость бомбометания, но именно возрастает разрушительная сила авиабомбы. Максимальное приближение к цели позволяет пикировщику с большей меткостью обстрелять цель также из пушек и пулеметов.

Пикирующий самолет чаще обычного бомбардировщика имеет дело с малыми, точечными целями. Зачастую он выполняет индивидуальные боевые задания, действуя в одиночку. Найти цель, атаковать ее из пикирования, точно и ловко сбросить боевой груз, в нужный момент выйти из нее и уйти от огня зениток, отбиться от атак вражеских истребителей — такое далеко не полный перечень задач, которые прихо-

дится решать экипажу пикирующего бомбардировщика в боевом полете.

Не сразу приходит мастерство, умение. Но летчики подразделения тов. Зайцева удивительно быстро стали первоклассными пикировщиками. Экипажи они сдавали в жестоких боях с воздушными ширатами и низкими колонами вражеских истреб. Вот их отчеты: среди летнего состава стали двадцать восемь орденосцев, шесть полностью орденосных экипажей.

За полгода летчики-бомбардировщики сбросили двадцать четыре немецких истребителя. Только один экипаж серванта Мельникова на протяжении трех месяцев уничтожил три «Мессершмитца». Кстати несколько слов об этом комсомольском экипаже: самому Мельникову всего двадцать три года, его штурману серванту Гапонико двадцать лет, стрелку-ракетчику старшему Косеровичу двадцать один год. Фактически все трое начали свою самостоятельную летную жизнь лишь в октябре прошлого года, а до этого друзья учились в летных школах и о боевых подвигах только мечтали. Сейчас у всех трох орден Красного знамени на груди...

...Вот стоит на снежном аэродроме узкоколейная двухмоторная машина.

Бале самолетов алжуют люди. Бесперервно подвывают авиостроител с горочи, подвывают боирспитам, снаряжение. Техника заврлывает машины горючим, в касыи закладывает летные осколочные бомбы, в бомбовые лючки прячет фугасы.

Ведь подготовка к боевому вылету занимает не больше пятидесяти—двадцати минут. А ведь совсем недавно на это уходило не меньше часа!.

Наконец все закончено. Инженер по вооружению капитан Моисеев проясняет боезапас пушек и пулеметов. К машинам направляются летчики. Один за другим, вздымая тучи снежной пыли, мчатся по полю бомбардировщики и быстро скрываются в дымке морозного неба. Над аэродромом барражируют 1 истребители прикрытия. Пикировщики ушли выполнять боевые задания.

***

...Тов. Зайцев ожидает возвращения экипажей на своем наблюдательном пункте; это ящик, возмуженный на снежном сугробе. Зайцев не выпускает из рук большого бинокля. Время от времени он поглядывает на часы.

За внешним сложившейся ковшура чувствуете стеснение вольное шкелешение. От упрямой до вчерашней янки выглядает его питомый грузинка и в одиночку. Иногда по глазе своего воспитаникова идет сам майор. И тогда он спокоен и за себя и за всех. Его не покидает чувство долга. Гораздо чаще командир остается на земле, с нетерпением ожидая возвращения пилотов.

Но вот на горизонте показывается еле заметная точка. Это возвращается машина политруда Дубинина.

Пилот направляется к наблюдательному пункту. Немного торпоясь, но очень четко, он докладывает о результатах вылета:

— При полете к деревне К. обнаружил колонну немцев в движении на североназад — не менее четырехсот автоматов и пехота. Голова застряла на подьеме, у въезда в деревню. Зашел два раза с головы, сбросил сорок восемь осколочных и четыре фугасных бомб, на втором заходе обстрелял фашистов из пушек и пулеметов. Попадали удачные. Колонна остановлена, задержка будет не менее чем на час. В обход немцам поиться некуда; перог нет. Сейчас их самое время заступать на место. Разрешите вылететь вторично, — заканчивает Дубинин.

— Подождите, — говорит командир, — сперва доложите мне подробно начальнику штаба.

Сегодня день сплошных удач. Вслед за Дубининым садится самолет серванта Мельникова. Коренстай, краснокожий крепыш Мельникова мелодный и даже несколько флегматично рассказывает, как он, идя на бомбардировку немецких колонн, решил по пути разведать вражеский аэродром около города К. и что из этого вышло. Трижды приходилось Мельникову в предельных полетах наблюдать этот аэродром, но всегда он был пуст. На этот раз летчик в процессе полета ясно увидел посадочное «т» и четыре двухмоторных самолета, которые, видимо, только что приземлились. Зоркий глаз Мельникова заметил еще несколько готовых к вылету истребителей.

Решение созрело мгновенно: изменить полученное задание, налетать на аэродром. Самолет перешел в резкое пики и, как снег на голову, «обвалился» из облаков. Как только пикировщик покинул снасительный слой облаков, с земли открыли по нему огонь зенитки. В этот же миг летчик заметил три «Мессершмитца», барражировавших над аэродромом. Конечно, они сейчас же атакуют одиночный бомбардировщик. Приход первый бой. Мельников вылетел перед собой только цель и твердой рукой вел на нее самолет.

Фугасы легли точно в цель. На аэродроме взмыли столбы пламени, земля и снег, взлетели вверх обломки машины, забатали люди. Еще один заход — теперь на фашистов полетели осколочные бомбы и хлынула струя луж и снаряжения.

Однако и сам пикировщик был атакован: все три «мессера» сидели уже у него на хвосте. Пришлось в вертикальном слое максимальной скоростью улететь Мельникову от преследования. Фашисты не могли угнаться за стремительной советской машиной. Они отставали все больше и больше. Несколько пробили в хвостовом оперении — вот и весь результат неприятельской атаки.

Полет экипажа Мельникова — важнейшее событие дня. Сервант также немедленно отправляется в штаб авиации, чтобы лично доложить обо всем замеченом.

Поскольку ждем, считаем, за Дубининым и Мельниковым в землянку, где расположился штаб.

В просторной землянке тепло, светло и тихо. Несколько командиров склонились над картой. Сюда стекаются все данные разведки, здесь продвигаются маршруты предстоящих полетов. В углах стоит телефонные аппараты, ра-

Пикровицкиков

... работает радиостанция. В специальном положении ждут очередных заданий офицеры связи.

Сведения, добытые полетом Дубинным и арестом Мельникова, настолько важны, что начальник штаба немедленно доносит о них командиру соединения, а тот, в свою очередь, — командующему военно-воздушным фронтом. Штаб быстро, но без суеты работает, подготовляя распоряжения частям.

Авиация — самый быстрый из всех родов войск. Конечно, именно поэтому здесь больше, чем где-либо, ценят и берегут время. Не прошло и получаса после появления в землянке аржанта Мельникова, как уже летели по полям и эдакие короткие закапированные проклятия. Офицеры связи садялись в свои автомобили и мотоциклы и мчались по назначению, взяв с собой в сумках короткий боевой приказ и карты.

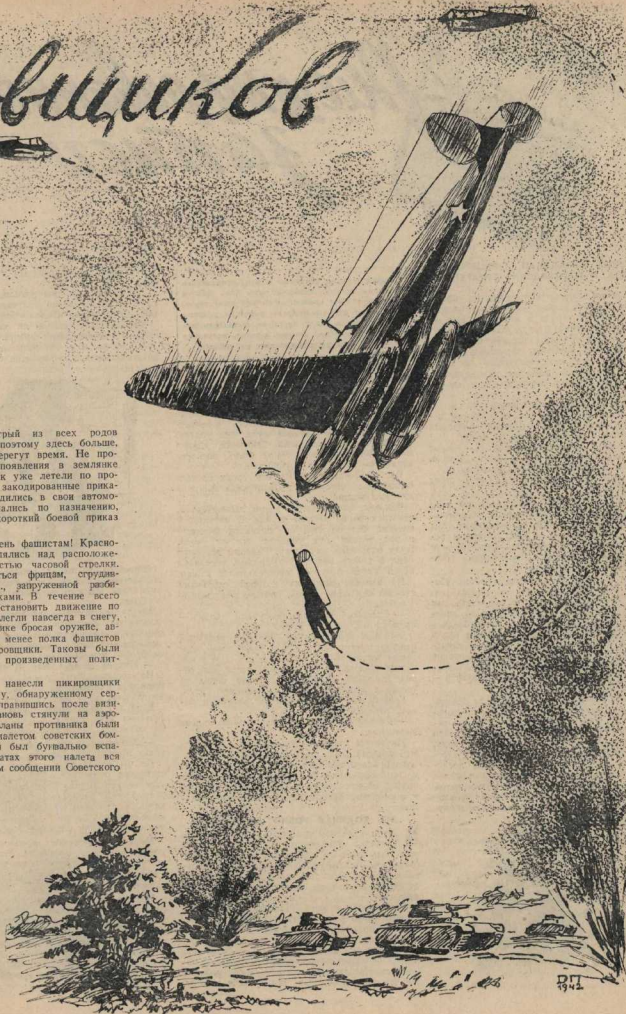
Досталось же в этот день фашистам! Красноватые самолеты появлялись над расположением врага с методичностью часовой стрелки. Они не давали опомниться фрицам, стучались на дороге у К., заруживая радиотехники машинами и новозаками. В течение всего дня не могли немцы восстановить движение по дороге. Многие из них полегли навсегда в суету, уделавшие безжалостно в панике бросая оружие, автомобили, имущество. Не менее полка фашистов рассеяли советские пикровицкики. Таковы были последствия наблюдений, произведенных полетом Дубинным.

Смертоносный удар нанесли пикровицкики по вражескому аэродрому, обнаруженному сержантом Мельниковым. Оправившись после ввязанного Мельникова, немцы вновь стянули на аэродром крупные силы. Планы противника были обрваны массированным налетом советских бомбардировщиков. Аэродром был буквально вспахан бомбами. О результатах этого налета вся страна проходила в очередном сообщении Советского Информбюро:

«Наша летчики действующее на Западном фронте, проводил успешный налет на вражеский аэродром в районе пункта К., уничтожили 18 самолетов на земле и три самолета в момент посадки. В числе уничтоженных самолетов — 10 «Мессершмиттов-109», 2 «Хейнкеля-58» и 6 «Хейнкелей-126».

Летчики - пикировщики подразделения тов. Зайца были вполне удовлетворены итогами этого боевого дня.

Западный фронт.

На ходках ровно 12

Канители, афарады, бры
через поля и горады
Сыгарты

Сыгарты, сыгарты
и сыгарты сыгарты

Расшифрованные записки

РАНЕНый ОБРАДОВАН, ОФИЦЕРСКАЯ ФЛАГА И ГОЛЛАНДСКие СИГАРЕТЫ...

Пять ночей напролет шагали мы по украинским полям, обходя населенные пункты, обходя стороной города и местечки. Мы направлялись к линии фронта. Давно уже иссякли у нас все запасы продовольствия. Не раз на дневных привалах, зарывшись в стог сена, мы на все лады обсуждали проблему еды. Где раздобыть ее? Мы находились в опасной зоне. Немцы стерегли здесь все переправы.

Самая судьба пришла на помощь. Шестые сутки застали нас в открытом поле. Перед рассветом мы отыскали громадный стог сена и расположились на отдых.

Солнце еще не взошло, и над безбрежной степью медленно таяла синяя дымка тумана, когда наш дозорный доложил командиру:

— В двухстах метрах, в ложбинке, стоит конный обоз.

До сих пор нам не доводилось ни разу быть в такой близости к немецким обозам. Довольные ржанием коней, голоса фишек. Мы азартно проигрывали, и вид грузовых повозок вызвал «самоуверенное» решение — не дожидаться ночи, умарить по немецким обозам сейчас, сию минуту.

Первый же залп из винтовок позволил убедиться в том, какой это сила — независимо от погоды. Стоило сделать выстрел, как замечались немецкие обозники, с какой быстротой порубили они истромка, вскарабкались на коней и, стреляя наобум, поскользнулись вдоль лошадей в сторону станции Зарюка. В каких-нибудь пятнадцать минут лошадь была очищена от врага. На поле бою остались несколько трупов в зеленых шинелях и чудесные трофеи — десятка два повозок.

Первая повозка, тщательно укрытая брезентом, разворочала нас. В ней оказались только два тюка и несколько винтовок, набитых оккупационными марками. Зато рядом стояла добротная колхозная телега на кованом ходу, лохотунку вогнутые вешечкой сиденья. Просторное украиноподобное сало, кобаски, дощечки окорона лежали на полу, рядом с более деликатными, но все ситыми изделиями голландских, бельгийских, парижских кондитеров и шokolада. Кажется телега могла слу-

Отряд шел по немецким тылам, натравливая на немцев фронты. Мески и сани дени дажакот от лохот. Мы прошли около 600 километров. Ничего не ведя подробных записей: условия пребывания и тылы врага не позволяли это делать. В дневной вылазке остались несколько строк. Память расшифровывает их сейчас...

Автор.

жить неопровержимым естественным доказательством в судебном деле об ограблении захваченных гитлеровцами стран Европы.

Но а ту минуту, признаться, мы меньше всего были склонны предаваться возмущению. Со стороны Зарюка, куда уже успели, очевидно, дожидаясь лишне обозники, ударили по ложбинке минами. Надо было поскорее «основать» трофейное имущество.

Вот тут-то и достались нам среди прочего голландские сигареты и офицерская флага с литовым мелом.

Мелом, замазавший этими деликатесами, оказался не из нашего отряда. В ирванной шинели, без оружия, он появился внезапно из-под тележки. Все увидели, что он ранен. Пуля оцарапала ему щеку. Раненый деловито сунул в тележку пакет с сигаретами, перекинул через лямку фляжку и присел на корточки. Не замечая раны, из которой струйки стекала по щеке кровь, незнакомец весело улыбался.

— Спасибо, братцы, выручили бойца! — крикнул он, дотюгая отряд.

Это был красноармеец Костюк, попавший неделю тому назад в плен. Финистские мерзавцы заставили его сорозождать обоз в качестве конюха. В тот момент, когда наш отряд дал залп по обозу, Костюк сидел на тележке с вешами офицера — командира роты. Угловат нас офицерские сигареты и мелом, раненый шутал.

— Свои пули задела, да зато из плена вызволил.

Минуты стали нацупывать нас, и поэтому некогда было расспрашивать подробности нашего боя о том, что с ним происходило до нашего появления. Мы быстро покинули ложилку, подкрепляясь на ходу салом, галетами и поскорее прикладываясь к фляге с мелом.

В НА ХОДИКАХ РОВНО ДВЕНАДЦАТЬ

В этом селе нам повезло. Разведка установила, что жители села уже пять дней не видели ни одного немца. Мародеры не появлялись здесь с повелением. Можно было надеяться, что и в пятницу никто из них не явится сюда за «ай-кашка».

Мы сидели в хате Максима Андрюшина. Старик остался с двумя внуками в селе, отсюда двух сыновей и брата в лес, к партизанам.

— Служу во втором ишелюке, — сказал он, хитро прищурив глаза, — мирными делами занимаюсь. Наблюдаю воду. Своими ребятами кое-чем пробываю. Они так, у себя, в лесу,

звонят меня уполномоченным по хлебопечковкам.

Газеточники, мы узнали, что партизанский отряд регулярно получает все необходимое через своего уполномоченного.

Мы спросили, далеко ли наши части, где сейчас происходит линия фронта. Двенадцать дней мы шли, но, зная, что происходит на востоке, не имея никакой информации о положении на фронте.

Командир разложки перед Максимом Андрюшиным карту. Старик поинтер в деревнях, лица осы. Мы с нетерпением ждали, что он сообщит.

Но тут случилось нечто непонятное, озадачившее нас. Визгуны на ходики, Максим Андрюшин вдруг напустился, как размыли восторгах, схватил шапку и вышел на хату. Из сеней он бросил нам сердито:

— Никуда не уходите. Я скоро вернусь.

На ходики было ровно двенадцать. Мы прождали старика целый час, тогда, какос неотложное дело заставило его покинуть нас.

Вернувшись он в самом благоприятном расположении духа. Еще с порога, отряхнула снег, он объявил нас одним словом:

— Заговорили тут с вами и тут не прозвезл Максим. Ну, давайте вашу карту.

Но мы отложили в сторону двухверстку и заставили старика повторить слово в утречные сообщения Советского Информбюро. Можете себе представить, как рады мы были здесь, в глубоком немецком тылу, в украинском селе, под носом у немецкого команданта, наши колхозники слушают Москву!

Москва ризговаривает с селом, где беснестелуж немецкие оккупанты. Москва общается жителей заполованного гитлеровцами села.

Что случится радиоприемка? Где хранится радиоприемник? Кто уберет его от немцев?

Максим Андрюшин уклонился от прямого ответа на эти вопросы. Осторожный старик, что и говорить! Но мы не обиделись на него. Пусть хранит он в тайнике человека, который доносит слова, рижку жизнь, голос Москвы. Придет день, и мы узнаем, кому обязаны были жители села своей радостью. Может быть, это и есть наш уполномоченный по хлебопечковкам?

В Англии вышла недавно книга «Летчики говорят» — о боевых действиях летчиков британского военно-воздушного флота. Она полна из записей выслетавшей летчиком — пилотом микромикрофон. «Собранные в книге рассказы, — утверждает предисловие, — говорят сами за себя. В них описываются не только потрясающие отдельные воздушные бои, а также истребительные, дальние ночные рейды бомбардировщиков в Италию и Германию, но и другие важные стороны жизни военно-воздушного флота.

Два рассказа из этой интересной книги, печатающиеся в сокращенном виде в № 11—12 журнала «Интернациональная литература», мы приводим ниже.

Бомбардировка Берлина

Сентябрь 1940 г.

Прежде чем говорить об этом рейде, мне хотелось бы рассказать вам историю операции, которая нас очень расшевелила. Давно мы так не хохотали — с самого начала войны.

Несколько дней назад нам прислали везучую из итальянской гавани, со сложными португальскими сообщениями: «Удачные вылеты на Германию и Италию объясняются тем, что британские военно-воздушные силы приносят и в этой работе летчиков из колоний, которые вылазывают за каждый вылет рейда на Германию 500 фунтов стерлингов, на Италию — 600 фунтов стерлингов. Вера ночью я совершил свой двадцатый вылет на Германию, значит, соответственно этим расценкам, я мне сейчас должна лежать в банке кругленькая сумка в 10 тысяч фунтов стерлингов. Приходится только удивляться, зачем итальянцы выкупают, будто бы всем летчикам всех военно-воздушных флотов — включая и их собственных — требуется столь фантастический стимул для выполнения того, что считается теперь, во всяком случае у нас, в британских военно-воздушных силах, более или менее обычной работой летного состава. Мы наклеили эту выписку на доску для объявления в офицерской столовой и нарисовали сбоку большую красную стрелку. Было бы жалко оставить такую перлу без внимания.

Но если вы хотите иметь полное представление о работе отряда бомбардировщиков британских военно-воздушных сил, я расскажу вам по порядку рейды на Берлин того отряда, в котором я состою.

Подполковник, командующий нашим авиотроном, бормотал нас днем, как обычно, над летательной разработкой предстоящей операции. Половина отряда, сказал он, пойдет на Берлин, остальным будут заданы другие цели, в Германии же. Он спросил, нет ли среди нас командиров или, может быть, пилотов эскадрильи, которые предложили бы лететь на Берлин. Только жалованье выразили все, кто был в тот вечер в смене, и командир решил, что протыпанное всего будет назначать по старшинст-

ву. Кто-то из ребят попытается малость смониторить, но этот номер не прошел, и назначение летчиков было поручено двум командирам эскадрильи, которые и распределили кого куда следует. У нас в отряде есть звено «А» и звено «Б».

В конце концов полететь все, так как через несколько часов вылет на другие цели был отменен и нас всех направили на Берлин. Если спросить пилотов об этом рейде, так, я думаю, большинство из них скажет, что при более или менее легкой погоде полеты на Берлин не представляют особых трудностей. Правда, эта трасса длиннее многих других, но расстояние не играет такой уж большой роли, если машина выдерживает долгий путь, а ее командир и экипаж хорошо знают свое дело. В сущности говоря, для такого рода работ нас и подготавливали с самого начала.

Так вот, теперь расскажем по полету на газетном заводе в Берлине. Если судить по тем результатам, в которых мы убедились собственными глазами, то более удачного рейда у меня, пожалуй, до сих пор не было. В Берлин я летел тогда в первый раз, хотя совершал рейды в другие места Германии мне уже приходилось.

По дороге туда наша машина пошла под обстрел зениток, правда, не очень сильных. К тому времени, когда мы подошли к Берлину, там уже стояли другие наши машины, и повсюду были обстрелены осветительные ракеты. Можно было без всякого труда разглядеть улицы, железнодорожные пути, небольшие парки и tutto подобное.

Над самым городом по нас стреляли очень сильно, но попаданий не было. Мы инстинктивно без всякого труда. Это был газетный завод в нескольких милях от центра Берлина. Кто-то уже успел поджечь его в двух местах в северо-восточном углу, а мы шли курсом с запада на восток. Нишу машину вел второй пилот, а я был занят бомбометанием. Мы свихнулись до восьми тысяч футов, и я совершенно отчетливо увидел заводские строения.

Может быть, мне следует описать сейчас в двух — трех словах самый процесс бомбометания. Бомбардир лежит ничком в носу фюзеляжа и смотрит вниз через большое стекло, замыкающее пилота. Три бомбометателя следуют учитывать скорость и направление ветра, высоту и скорость полета машины и так далее; потом, когда цель совпадает с визиром переднего в заднего прицела, бомбардир нажимает кнопку бомбо-бросателя — и бомбы летят вниз.

Как только мы сбросили свой груз, на заводе раздался четыре взрыва огромной силы. Я полагаю, что первая бомба попала в газомет — только так и можно объяснить дальнейшие события. Мощная взрывная волна пошла вверх и в сторону. Мне это запомнилось сценой из кинофильма.

За первыми четырьмя сильными взрывами последовало несколько других, более слабых. В двух местах возмущились огромные пожары, к небу взметнулись языки огня — по моему расчету, тысяча на полторы фута в высоту, — потом повалили густые клубы дыма. Более страшного зрелища мне не приходилось видеть. Бомбы упали на расстоянии примерно пятидесяти ярдов одна от другой. Пожары и взрывы почти немедленно слились в сплошное море огня, охватившее участки яров в двести.

Всегда за этим я увлекся, как в западном углу заводской территории упали наши зажигательные бомбы. Они летят дольше, чем тяжелые, фугасные. Какую часть завода они поразили, я не знаю, но сверху мне были видны пучки осветительных ярких вспышек на земле. Мы сделали несколько кругов над целью, следя за тем, как разгорается пожар. Помню, задний стрелок крикнул мне: «Ну-ну! Здорово!» Ответы в небо от зажигательных бомб, должно быть, выдал весь Берлин.

При свете взрывов внизу на одно мгновение можно было разглядеть два длинных корпуса и вышку. Потом наша машина ушла дальше, и с моего места, впереди, уже ничего не было видно. Вспыхнул стрелок, вылетел, что один из этих корпусов охватил огонь.

Когда мы сделали второй заход на цель, старший зениток начал разрываться слишком близко от нас, и я распродирался излив курсом на базу. Все бомбометание вышло индифферентно, но я не стал никуда отходить от своей цели, и по крайней мере с четверть часа я летал в небе отсыре от пожаров, а потом услышали звук одного взрыва огромной силы. Мы не могли сказать с уверенностью, был ли это результат нашего налета или Берлин бомбили с других машин.

Так продолжил на Берлин. Конечно, удача выпадает мне не каждый раз, но описание одного из наших полетов даст вам некоторое представление о том, что делают в этой области британские военно-воздушные силы.

Налет на Италию

Январь 1941 г.

В два часа тридцать минут того самого дня, когда мы должны были совершить вылет, о котором я пишу рассказать, моему подразделению было приказано собраться. Я вынул пилотов по фамилиям и сказал им следующие (передая это сейчас в нескольких словах):

— В девять часов вылет в Италию. Основная цель — нефтепереработный завод и склад горючего в Порто Маргера, в Венеции. Это один из самых важных объектов в Италии, и мы должны уничтожить его. Разбомбить несколько самолетов и лишь в один конец, отклоняя от курса бить не должно, значит, как вы сами понимаете, придется пересечь Альпы на высоте сивальдаты тысяч футов. Важнейшей задачей будет слетать на итальянскую территорию установка — сравнительно неважная, и расположена она на маленьком полуострове. Запас горючего, с которым вы пойдете, с из-

быком хвтит на оба коня, но, смотрите, не расхоудите его яря. К моменту нашего возвращения здролор, по всей вероятности, затнет туманом, и тогда вам придется совершить посадку на более отдаленных базах. Возвращаться будете на рассвете. Учтите все это и решайте сами, на какой высоте можно будет бомбить объект по ту сторону Альп, и не забываете, что чем ниже спускаетесь, тем большую высоту вам придется набирать, чтобы перелететь через Альпы на обратном пути, а следовательно, тем больше будет и расход горючего. Подчеркнуто: объект имеет очень большую высоту, и если мы проделаем такой длинный путь, и вернемся без абсолютной уверенности в успехе,— это будет огромной и совершенно непроизводительной затратой сил и средств.

Вот в двух словах то, что я сказал своему воздухоплавателю в два часа тридцати минут дня. Рассказав об этом рейде я буду как один из пилотов, принимавших в нем участие. Подобный отчет мог бы дать и любой другой из наших летчиков.

В девять часов я сидел у себя в кабине и разогрел мотор. В это время пришел приказ выключить моторы и ждать дальнейших распоряжений. Я подумал: «Вот тебе и вылет!» Разделся в лух и прах, а лететь не придется. Но минут через пятнадцать новый приказ готовиться к полету! Мы снова запустили моторы и вскоре поднялись в воздух. Условия для полета были неважные. Мы легли на курс и, забрав высоту, прошли облачность над проходом. До Райской долины облака скрывали от нас землю. Но там прояснело, показалась луна, земля внизу была покрыта снегом, и мы летели словно при дневном свете, еще издали увидя горные вершины Альп. Снова набор высоты до семидесяти тысяч футов — конечно, уже с кислородом. Разреженный воздух был настолько чист, что вся горячая цепь лежала перед нами как на ладони. Зрелище это было доволно чудесное: долина, затвнутая туманом, с выступающими из него огромными снежными вершинами. Такой объекту мы представляем себе Антарктику, а красочнейший мюзон только усугублял реальность такого представления.

Когда мы вышли к Альпам, туман уже охватывал Ломбардскую низменность, и я на-

чал сомневаться в успехе нашего рейда. Но внезапно туман сменялся мглой, а потом мгла рассеялась и видимость стала прекрасной. Все это время я постепенно вел машину на высоте, и, спустившись на высоту шестидесяти тысяч футов, мы увидели внизу и справа от нас Адриатическое море и Венецию, а за ней Лидо. Лучшую ночь трудно было себе представить. Должен сознаться, что у меня, как у нового бомбардировщика, привыкшего действовать под покровом темноты, было такое ощущение, словно я разделся догола. Впрочем, особенного стыда при этом и не испытывал и твердо вел свою спороющую машину по курсу, в условиях почти что дневного полета.

Минут пять—десять мы летели над территорией объекта, и я, наконец, решил начать бомбардировку с малой высоты. Мы спустились почти до уровня земли северовосточнее Иези и вошли курсом прямо на нее, мимо форта, откуда двое часовых открыли по нас огонь из винтовок. Идя на снижение, я велел своим стрелкам стрелять по всем, кто только открыл огонь по нашей машине. Мы вышли прямо к самому центру Местре—городу, который находится в дальнейшем конце венецианского шоссе, рядом с Порто Маргеры. Наши машины неслись над самыми крышами. Прохожая на улицах было совсем мало. Мы подождали немного, чтобы не задеть замковые трубы, и прямо перед собой увидели цель. Я быстро забрал высоту до семисот футов. Бомбардир выбрал самую большую бомбу—настоящую громадину — и в crucialный момент сбросил ее. Результаты были вполне странные. Нашу машину подбросило, и я решил, что это—правое попадание осколком. Но, спроста у залетного стрелка, я услышал в ответ, что это разорвалась наша бомба. По его словам, взрыва последовало немедленно, а бомба упала туда, куда мы и целились: возле большой насосной станции. Нестерпимо яркой огнем и дым, оползавшим се колымом, поднимались вверх почти на половину нашей высоты.

Все это время мимо нас со свистом проносились трансиррующие пули. Сейчас, задним числом, я просто поражаюсь: почему не было попаданий? Ведь когда вашу машину подвергли осмотру на следующий день, в ней не обнаружены ни единой пробоины. У моих стрелков деел было по горло: все это время они вели

Англичанин известен миру своеобразным юмором, тонкой и умяной насмешкой, которая не покидает его лица в самые опасные моменты жизни. Очень часто на самолетах английских военных летчиков можно увидеть комические рисунки и карикатуры. И на этом самолете, за рулем которого сидит английский летчик, вы видите шутливый рисунок.

ответный огонь по земле, надеясь, с большим успехом, чем те, кто стрелял по нас с земли. Мы сделали второй заход на цель, чтобы сбросить оставшуюся часть груза. Бомбы упали в зону огня или рядом, послышались еще несколько отшумевших взрывов, и пожар стал разгораться еще сильнее.

Мы спустились почти до брошенного полета и увидели железнодорожную линию, ведущую на Падуя, а я знал, что там есть аэродром. Мы обогнали три товарных поезда. Луна светила вверх, машинисты высматривали и смотрели нам вслед. Один помахал рукой, другой сплюнул, а у третьего вид был очень испуганный. Мы не стали стрелять в них.

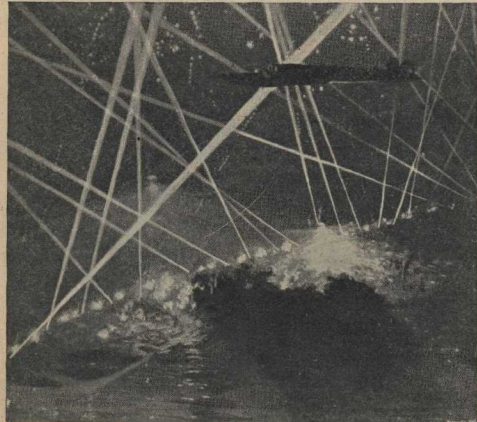
Показалась Падуя. Мы проносились над ней вихрем, видя между высокими шпилями, которых там великое множество, и обстреливая свой задний лючок. Потом пошла к аэродрому и обстреливая агарты и казармы из пулеметов.

Представьте себе, какое это было зрелище! Огромный черный бомбардировщик, ярко освещенный луной, с ревом несется над заснеженным аэродромом со скоростью двухсот миль в час и подает пулеметным огнем и с хвоста и с носом Зенитные установки аэродрома бьют вытвоем и открывая по нас огонь из всех орудий.

Я вел машину так низко, как только осмеливался, пользуясь каждым деревом, чтобы укрыться от обстрела. Трансиррующие снаряды пролетали мимо нас почти по горизонтальной линии, но попаданий и тут не было.

На этом все самое интересное кончилось. Мы круто пошла вверх к Альпам. Туман и облака затанули все кругом, и до бельгийского побережья мы почти ничего не видели, кроме горных вершин. Рассвет полет ослеплял себя. Но совершила посадку на затянтом мглою аэродроме.

Остальные машины нашего отряда вернулись, одна за другой в течение ближайшего часа. Все произвели бомбардировку на малой высоте. Попаданий были праме. Ни одна бомба не прорвала баром. Рассвет полет ослеплял себя. Не вернулись на базу только одна машина.

МОЛОДЫЕ ЗАЩИТНИКИ ЗАПОЛЯРЬЯ

Мы, северяне, прошли хорошую школу. Суровая природа Заполярья упорно закаляла наших ребят, закаляла нашу молодежь, научила ее легко переносить лишения, развила в ней выносливость, застенчивость, бесстрашие. Чужденных вояков, крепких, стойких, мужественных — помогла нам вырастить эта школа.

Не раз геобельсовские брехуны попадались перед всем миром, будто немелкие войска захватили Мурманск — Каландарку, Кировск, Мончегорск, Вудью Гитлеровцев и близко не подпускают к нашим красивым-городам, а воздушные пилоты с железными крестами, пытающиеся бомбить наши заполярные центры, получают по заслугам: много костей фашистских летчиков гниет на северных скалах. Без должной скромности скажем: немалая доля заслуг в этом принадлежат нашим мурманским комсомольцам, мурманской молодежи.

***

Лучших своих товарищей послала комсомольская организация области на фронт. Они полностью оправдали высокое доверие страны. Ни за одного из них краешек нам не приходится.

Есть у нас комсомольцы-панявники. Это те комсомольцы, которые пришли работать на Север по призыву государства. Раньше они были известными спортсменами, подвижниками. Теперь за ними упрочилась слава бесстрашных бойцов, неутомимых стрелбителей немецких оккупантов.

Иван Дмитриевич Паланин всегда любовно следит за успехами своих «подопечных». Вот что он писал недавно молодым друзьям:

«Дорогие мои братья! С большой радостью узнал о ваших боях. Раньше они были отечественной войны, о том, как беспощадно громит в гитлеровских захватчиков.

В годы мирного строительства пришли вы сюда, на Крайний Север, в советское Заполярье, чтобы воздвигнуть здесь красавицу-завод. И вы построили его, смело преодолевая трудности... Вы закалялись в борьбе с трудностями, выковали в себе качества полководца, смелых людей... О нас, о наших боевых подвигах с гордостью говорят на заводе, но всем Заполярье и дальше...

Родные, любимые патриоты!

Я от всего сердца приветствую вас, бесстрашных, доблестных красных воинов. Еще сильнее бейте фашистских мерзавцев, громите их, беспощадно стреляйте!»

В самом начале войны в Мурманские сформировалась рота комсомольцев-добровольцев. Бойцы подбирались один к одному. Много смелых, отчаянно державших набег совершили они во вражеские тылы. Рота эта стала подлинно грозой для немецко-фашистских бандитов.

Всему Заполярью известна ставка мурманского комсомольца Векнина. Одним из первых в Северном флоте он был награжден орденом Красного знамени. Вышней рыбак, рулевой катера краснопловец. Векнин проявил исключительную задержку и мастерство в бою. Как-то его катер атаковали девять фашистских бомбардировщиков. Векнин сумел так маневрировать, что ни одна из бомб, разрываясь, не попала на катер и его команда. Больше того: благодаря искусству рулевого энтузиаста катера сумели сбить в этом бою два вражеских самолета.

С чувством особой гордости за нашу молодежь, за наших храбрых северян называем мы имя Героя Советского Союза летчика-истребителя Бориса Сафонова. Годов отчаянного летчика украшают медаль «Золотая звезда», орден Ленина и три ордена Красного знамени. Недавно в одной из аннотированных частей Заполярья в торжественной обстановке английским генерал Макфарлан вручил летчику высший авиационный орден Англии.

Майор Сафонова первым на Севере одолел английским истребителем «Харрикейн». Пленком к плечу с Британскими летчиками он промчал в воздухе фашистских разбойников. Воспоминания немецких самолетов сбил в воздушных боях испитый комсомолец Борис Сафонов.

Песни поют, легенды слагают о и другом народном герое, нашем земляке Иване Савинове. Он пришел сюда, в Мурманск, из Поволжья, чтобы участвовать в строительстве богатейшего края. Мурманск стал его второй родиной. Всей душой, всем своим пылким сердцем полюбил он и сроднился с

нашим суровым, но прекрасным Севером. Здесь он жил, работал, здесь бесстрашно сражался и здесь пах смертью храбрых.

«Шел жестокий бой. Одну из сопек защищала двое: командир взвода Копеники и краснофлотец комсомолец Иван Савинов. Долго двое смелых-люди отбивали яростные атаки немецких кораблей. Но вот вражья пуля ранила Копеникина. Савинов осторожно перенес командира в безопасное место и возвращается на прежнее положение. Теперь он один.

А бой все разгорается. Все ближе немцы. Они уже в 20—30 шагах. Слышно их дикие улюлюканья. Савинов с силой швыряет гранату в немцев. Враг откатился. На сопке остались лежать безжалостно трупы. Прошло немного времени, и немцы снова идут в атаку. Опять встречается их меткой гранатой смелый комсомолец.

Несколько часов длился этот беспримерный неравный бой.

Неская у Савинова патроны, кончились и гранаты, осталась одна-единственная. Краснофлотец больше не стреляет.

— Русец, славай!.. — кричат немцы.

— Русские в плен не сдаются! — следуют горючий отпор.

Фашисты уже на сопке. Они окружают безоружного воина. Протягивают руки, хотят схватить его живым.

В этот момент раздается взрыв. Савинов бросает последнюю гранату себе под ноги. Вместе с ним гибнут и несколько вражеских солдат. Неделю отдал свою жизнь краснофлотец Савинов!

В историю отечественной войны войдет и подвиг Героя Советского Союза комсомольца Василия Киселкова, отразившего многоисленные атаки целой сотни фашистов.

Бышего забойщика заполярного рудника, ныне заместителя полнотруда оленеводов Петра Глабу, храброго связиста Михаила Корнашова, стойкого бойца Семена Карамышева и сотни других, таких же смелых и отважных воинов вырастил и воспитал мурманский комсомолец.

В храбрости и отваге не уступают юношам и наши девушки. Много их, мужественных се-

Фотографер Н. СОЛОВЬЕВА

ЛЮДИ ОДНОЙ КРОВИ

Когда Антонина Васильевна Кузнецова проводила своего мужа в армию, она послала к себе на колени маленькую дочку:

— Ну, дочка, в чем мы с тобой будем фронту помогать? Ты будешь мне слушать, не отворачивать. А? А?

И этот похотливый разговор с дочкой заставил Антонину Васильевну уже теперь задуматься над тем, как дальше жить. Ей казалось, что маленькая работа радостного советского служащего, которую она выполняла теперь, в дни войны, не принесет ей никакого удовольствия. Между прочим, фessива не хотелось. Размышляя над тем, что она простая советская женщина, может сделать для фронта, тов. Кузнецова пришла к решению, которое полностью оправдало ее мысли и стремления: стать донором. Тут же, не откладывая своего решения, она побежала на донорский пункт. Волновалась она только из-за одного взрост ее крови, оказался непригодным.

По кров. Кузнецова была признана очень ценной именно так, универсальной кровью (как называли в Группе) годна для переливания решительно всем раненым.

Это было в первые дни войны. Теперь уже тов. Кузнецова — старый донор, она на многих тысяч советских женщин, гамовстрасивно участво-

щих в общей борьбе народа с немецко-фашистскими захватчиками.

Наш фотокорреспондент застал тов. Кузнецову в то время, когда у нее были отключены две крови для переливания. У операционного стола находились хирург М. Паннора и препаратор А. Ивашев.

Банка с кровью донора Антонины Васильевны Кузнецовой находилась в медпункте ее старшего товарища С. Клявникова. Она находилась на банку впервой крови.

Контроль, и еще раз контроль! С исключительной осторожностью на контроле был Тучков, проводив кровь крону. На столе, за которым стоял тов. Тучков, лежали стандартных банки, а среди них банка с кровью донора тов. Кузнецовой. И вот носок того, для проверки все эти строгие меры предосторожности, банки с кровью доноров несутся и владели и удаляли гематинам.

На этот раз кров. тов. Кузнецовой была перенята владеликом на изломочий в госпитале секретаря Г. Игнатьева. Антонина Васильевна часто владелицей своего брата по кровю, унаследует за ним, приносит ему подарки. На ее глазах побывает во для в день критический, пребывает в несе.

Наш редактор пришла она и гематинам владелицы своего дедука, узнать о его самочувствии, почтитать ему книги и журналы.

верном, рука об руку с братьями, мужьями, отцами сражаются в партизанских отрядах, работают на передовых линиях в качестве дружающих медсестер. Вот одна из них — скромная, незаметная девушка Нина Буракова. В разгар боя она делала перевязку раненому бойцу. Разлился снаряд, мины, гром вилась вокруг нее пудя — она спокойно и уверенно продолжала делать свое дело. Но вот мина разорвалась совсем рядом. Горячие осколки впились в тело молодой патриотки. Ранения, истекшая кровью, она, стиснув зубы и сжавшись весь свое тело и силы, продолжала перевязывать бойца.

Знакомо и близко мурманцам была другая бесстрашная девушка, Лида Томилова. Был в ее практике такой случай.

Плано оторвались от земли, самолет поднялся и лег на курс. Бесстрашная Лида Томилова обшла бойца и только собралась составить список, как вдруг к мерному рокоту моторов присоединился треск пулемета. Вуэтри кабины как молния свергнула огненную струя трансручного пулеза санитарный самолет подвергся нападению фашистского воздушного разбойника.

Раненые краснорубицы упали на пол. Один боец был убит, несколько человек получили вторичные ранения.

Вторая очередь на пулемета подошла самолет. Пилот бросил объятую пламенем машину вниз и поселил ее на камни.

Открыл люди, Лида вынырнула из самолета и принялась вытаскивать тяжело раненых бойцов.

Ослабевший от боли и потери крови механик крикнул ей:

— Отходи! Самой самолет взорвется!

Но Лида продолжала выносить раненых из горящей машины. С ног ее валились туфли, по лицу струилась кровь от раны, дам раздала глаза — Лида ничего не замечала, ничего не чувствовала. Одного за другим она выносила раненых и бережно укладывала на мягкую траву. Оставалось только вынести из машины труп убитого бойца. Но в то мгновение, когда Лида хотела подойти к самолету, раздался страшный взрыв — и в воздух высоко взлетели обломки машины.

Лида перевязывала раны, вошла бойцов. От усталости она валилась с ног. На ее счастье, к месту, где приземлился горящий самолет, приближались находившиеся по соседству бойцы и командиры. Лиду сменили.

На следующее утро она навестила раненых бойцов в госпитале. Ее встретили радостными возгласами:

— Сестрица, родная! Как тебя и благодарить!

Лида молчала и только смущенно улыбалась.

***

Хорошее, умелое пополнение готовим мы фронту. Больные половины членов всей комсомольской организации области овладели и овладевают военным искусством в подразделениях Всевобуза; около четверти — находятся в истребительных отрядах и в народном ополчении; остальные занимаются в различных кружках, на курсах.

Молодежь неустанно совершенствуется, углубляет свои знания, приобретает боевые навыки. Мы задались целью подготовить кадры специалистов, мастеров боя. Из числа закончивших Всевобуч юной, умелой, самостоятельной особой комсомольско-молодежные подразделения: истребителей танков, снайперов, пулеметчиков, минометчиков, автоматчиков.

В Кировском районе города Мурманска организованная женская стрелковая команда. В нее вошли 13 комсомолок. Под руководством сержанта Емельянова девушки учатся владеть огнестрельным оружием. Вскоре после начала занятий состоялось первое практическое стрельбо. М. Алексеева, стреляя боевыми патронами на дистанции 100 метров, выбила 26 очков из 30 возможных. Секретарь комсомольской организации областного отдела связи тов. Жигит порадовал мишень перлам жистрелем.

Результаты, которыми могли бы поазадить и многие юноши!

Патриотки будут изучать также ручной пулемет, пистолет-пулемет и другое боевое оружие.

***

Кто не на фронте, тот и в тылу куёт победу над врагом. Все мысли нашей молодежи сосредоточены на одном: работать как можно лучше, все силы вложить для помощи фронту.

С большим успехом прошла на предприятиях кампания по сбору районных и заводских предложений. По почину молодых железнодорожников Кандакалин в области собрано около четырех миллионов рублей на постройку авиажелезнодорожного «Советского Заполярья». Два с половиной миллиона рублей, заработанных комсомольцами и молодежью на трех воскресных днях, внесены на строительство танковой колонны.

Прекрасную инициативу проявила молодежь Н-ского заповедного завода. Молодые рабочие задались целью повысить свою квалификацию. Они решили в ближайшее же время повысить свою квалификацию на один раз-

ряд и призвали всю рабочую молодежь следовать этому примеру... 4/10 больше знания, — писал он в своем письме-обращении, — тот сможет улучшить помощь фронту.

На письмо откликнулись молодежь многих предприятий. Большую помощь новичкам оказывают мастера. Они берут шефство, организуя индивидуальную учебу молодых рабочих, ревностно следят за повышением квалификации юношей и девушек.

Необычайный подъем парит на предприятиях, особенно на тех, которые производят оружие. Призыв автозаводец вызвал новую мощную волну патристического подъема. На фабриках и заводах в эти дни стали активно возникать комсомольско-молодежные фронтовые бригады.

Что такое фронтовая бригада, можно судить, например, по делам бригады Аграфовой на И-ском заводе. В январе средняя производительность всей бригады составила 205 процентов плана, а в феврале бригада выполнила уже 250 процентов задания.

Почетное звание «фронтовой» обязывает. Фронтовки должны быть первыми во всем: и в труде, и в учебе, и в боевой подготовке. Именно так и проявил свой долг члены бригады Аграфовой. Все они усердно изучают военное дело. Трое из них командуют отделениями. Некоторые скоро уйдут в армию — они озабочены тем, чтобы подготовить себе достойную смену. Из курса на производительность пришли девушки. Они-то и заменяют раненых. Рабочие добросовестно обучают их столярному мастерству.

Не так давно один из членов бригады, комсомолец Каменик, отравился на фронт. Друзья устроили ему теплые проводы. Здесь же был заключен солидарный договор: Каменик обязался храбро сражаться, оставшаяся — самоотверженно трудиться. Обе стороны честно выполняют свои обязательства. О храброе бойце Каменике уже пишут газеты. В газетах же значительны трудовые дела фронтовой бригады.

Колхозная молодежь растит в тундрах оленей для армии. Это значит, что фронт получит больше мяса, мяса, отличных, выносливых транспортных животных. Сейчас молодые колхозники занялись массовым выловом озерной рыбы и охотой. И это тоже для армии.

Сделано много, но это — только начало. Мы можем и должны сделать для фронта гораздо больше, и мы это сделаем. Молодежь Заполярья в долгу перед родиной не останется.

Взвод Командира Дубова

3. Задача на разведку

В тумсте лесу, недалеко от места, где дорога перекрещивается с просекой, в маленькой землянке склонялись над картой два командира. Оба они были плотные, широкоплечие, большие друг на друга.

Командир батальона капитан Измайлов ставил Дубову задачу на разведку.

— Немцы перешли к обороне на рубеже Матвейцы—Горки—Ельники,—говорил спокойным голосом капитан.—На лесном фронте они два раза пытались перейти в контратаку. Видно, подтянули резервы. Батальон приказано завтра, на рассвете, атаковать и к концу дня овладеть деревнями Матвейцы и Городище. В оба места бесспорно. Укрепилась здесь фашисты. Я решил обойти лесом узкое соротивления и атаковать немцев с севера.

Дубов внимательно слушал капитана и молча тыкал обстановку на карту. Он сразу уловил замысел комбата и мысленно уже прикинул, откуда удобнее будет разведать путь подхода.

— Затем жди обстановку на месте?—спросил вдруг капитан.—Да и условные знаки не правильно чертятся. Нельзя идти в разведку, имея карту с обстановкой. Сорвиг!

Дубов, чуть покраснев, излез из кармана резаку, послушно стер все, что нанес на карту, и спросил командира:

— Обе деревни одновременно будем атаковать?

— Да. Поэтому вам придется выполнять очень сложную задачу. За ночь нужно выявить наиболее удачные места в немедой обороне и отметить исходные положения для двух рот примерно в этом районе,—капитан указал место на карте. К завтрашним часам ночи принятие сила проводников. Как только роты займут исходное положение, закройте немцам пути отхода в направлении деревень Вениа и Груды.

Дубов повторил задачу и обещал уходить. Измайлов тоже встал, молча крепко пожал руку Дубову и сказал:

— Да, чтобы не забыть. Поставь я в штаб ходячий от приисноения вам звания лейтенанта. Так что готовьтесь.

— Благодарю, товарищ капитан,—с этими словами Дубов вышел из землянки.

Стоял ясный, солнечный день. Под ногами поскрипывал снег. Косматые красяницы-ели, покрытые пушистыми хлопьями снега, слегка качивались от слабого ветра.

Придя в свой взвод, Дубов позвал своего помощника—сержанта Ноникова—и рассказал ему о полученной задаче.

После короткого совещания с помощником Дубов решил сперва подвести взвод к дому лесника и оттуда с наступлением темноты выслать два отделения для контроля за дорогами, а остальные думать отменными вестями Рамскому в направлении Матвейцы и Городище.

— Выступим в семнадцать часов,—сказал Дубов сержанту.—Подготовьте бойцов две через час: соберите взвод на полеике — я с красноармейцы потюлюку.

Нонков ушел. Дубов погружился в изучение карты, составил схему амузтов и прозвал тщательный расчет пути.

Вскоре он уже был на поляне, где собрался взвод, и прядирчиво осматривал бойцов. Результаты командир остался доволен. Бойцы были ослы именно так, как этого требовал характер боевого задания: тепло и легко. Красноармейцы оставили свои резаку и старшины, в пути они только стесняли бы движение. У всех был полный комплект боеприпасов. Смажирание полагано лозко — на ходу ничего не гремяло.

Покончив с осмотром, младший лейтенант объяснил бойцам задачу, ответил на вопросы и в заключение сказал:

— Помните, что действовать придется ночью, в лесу. Один осторожный шаг — и пропала вся работа. Третью от каждого бойца образовать дисциплины. Стрельника всчески запретю, а если придется встретиться, ни в каком случае не стрелять, а колоть штыком. Чтобы тихо, без шума. Основной сигнал: «Сделай, как я».

— А что это за сигнал такой?—заинтересовался молодой боец.

— Этот сигнал означает, что нужно держаться ближе к командир отделению, внимательно наблюдать за ним и делать все то, что делает он. Идет командир — ты должен идти. Остановился — стань и ты. Лег — и ты ложись. В штыки удара — ты тоже делайшь. Понял?

С командирами отделения Дубов детально обсудил план разведки. Каждому отделению он поставил определенную задачу. Нонков вывел в отделение бездель халаты и комасы.

Подготовка к разведке закончилась. Дубов был спокоен. Как будто предусмотрено все, каждая мелочь.

Взвод выступил точно в назначенное время. Бойцы, обутые в валенки, бесшумно двигались за своими командирами. Спереди, с флангов и с тыла взвод охранялись дозорами, в которые были отобраны самые опытные, самые смелые бойцы.

Уже совсем стемнело, когда бойцы подходили к дому лесника. Дубов остановил взвод. Дозорные шепотом доложили, что никакого дома поблизости не обнаружено.

— Не может быть, чтобы и ошибся,—самолично сказал Дубов Нонкову.—Амузт и точно определил, и шли все время правильно. Куда ж он делался, этот чорт дом?

— А на кой он нужен, этот дом?—отозвался Нонков.—Без него, что ли, не обойдемся.

— Как же не нужен, когда я от него все речеты слышал! Нет, этого и так не оставлю. Возьмите, Нонков, двух бойцов и пошлите их хорошою кругом. Здесь должен быть дом, и найдите мне его во что бы то ни стало.

Вскоре Нонков вернулся.

— Нашли!—доложил он.—Вышли точно к дому. Только дома нет: немцы сожгли все осенью. На этой поляне стоял он. Вот

две яблони и струб от колода торчит из снега. Здесь и был дом.

— Ну и ладно! — обрадованно промолвил Дубов. — Хорошо, что нашли. Можно начинать.

Младший лейтенант собрал командиров отделений и сказал:

— Сержант Тюлькин, доложите вашему взводу.

— Двадцать точно на юг. Выйти на опушку леса. Установить, какие укрепления у немцев на северной окраине Матвейцы, и вести наблюдение. С призом роты действовать вместе с нем. Через час прислать сведения с докладом.

— Выполняйте! — приказал Дубов.

Тюлькин бесшумно ушел бойцов на юг. За ним выступил со своим отделением сержант Терещенко. Он повел бойцов по амузту 200 метров, установив наличие противника и характер оборонительных сооружений у деревни Городище.

— Выставляю два отделения пойдут со мной по амузту двести шестьдесят,—сказал Дубов.—А вы, Нонков,—обратился он к помощнику,—ждите меня тут. Я скоро вернусь.

Дубов привел бойцов к дороге, которая проходила из деревни Городище в Вениа, и приказал сержанту Жукку:

— Оставайтесь со своим отделением здесь. Садитесь в лесу, наблюдайте за дорогой и дождитесь рассвета. Как услышите шум боя, прекратите всякое движение по дороге. Обороняйтесь до последнего патрона. Главное — не пропустить пополнения в Городище.

— А мне куда выступать? — спросил сержант Умаров.

— Немедленно. Идите точно на юг, пока не выйдете к дороге Матвейцы — Груды. Будете выполнять такую же задачу, как и отделение Жукки. Как увидите до места, немедленно выйдите ко мне связного.

Отдав необходимые распоряжения, Дубов со своими связными отделился обратно к дому лесника.

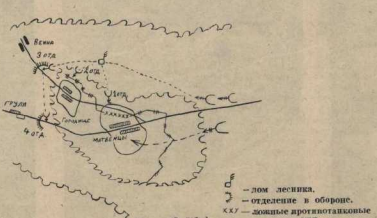
Тяжелую ночь нарушил оглушительный взрыв. Вслед за тем по всему фронту поднялась шумная стрельба. Дубов насторожился. Что случилось? Стрельба стихла так же внезапно, как и возникла. Дубов поспешил к Нонкову.

— Что тут произошло? — спросил он сержанта.

— У меня-то ничего, все спокойно, а вот у Тюлькина что-то неладит. Шум подняли немцы.

— Идите на север, я проверю с Тюлькиным, узнаю, в чем дело.

— Что произошло у Тюлькина. Сержант благополучно достиг Вениа лес. Вперед, на большую поляне, чередя деревня. К ней

ЛЕТЧИЦА КЛАВА ЧУГУНОВА

Командир танкист был тяжело ранен: пуля пробила машишку, горный бензин обуглил гула и лицо. Нестерпимо мучала жажда, но ему не давали пить, лишь раздала санитар смачивал обкусанные губы раненого алмазным полотном.

— Когда самолет? — раздраженно спрашивал командир.

Говорить было трудно и больно, и он обвисая скучными обручами фраз, от этого даже безразличные его вопросы казались санитару режисмой. На раненых не обжигают, и санитар терпеливо объяснял, что самолет уже зашел на посадку и меньше чем через час командир будет лежать на операционном столе в московской клинике.

— Самолет уже разгружают, товарищ командир. Сейчас пилотом за вами придет, — торжественно говорил санитар, с трезовой замечая, как медленнее скатываются со лба раненого капли ледяной испарины. Но командир уже не слышал; он закрыл глаза, и ему казалось, что восседает на ослепительном треногом срывающихся и летит куда-то в пустоту.

— Какое у него ранение? — спрашивал мглистый женский голос.

Созвоние медленно возвращалось к реальности, и он открывал глаза, с напряжением всматриваясь в привычный мир пространства и вещей.

— Танкист? — спрашивал тот же голос. — Раненый, вы меня слышите?

Командир с удивлением всматривался в склоненное над ним женское лицо.

— Пилота? — раздраженно сказал он. — Пилота надо!

— А я ваш пилот, Клава Чугунова, — привставала молодая женщина. — Придется вам прилечь: ранение раньше летать и вы переносите полет?

Командир устало закрыл глаза и уже с яростью повторил:

— Мне пилота надо...

Клава Чугунова не огорчилась. Она даже не поинтересовалась неприятно к танкисту. Натянул шлем и перчатки, она деловито шагала через поле к самолету, а за ней санитары несли раненого, закутанного в теплые одеяла. Недолгие, предвзятые, а иногда ироничные, уже давно не обжало Чугунову.

— Не доверяешь! — бормотала Клава, выводя машину в мглистый, почти не ощущаемый в кабине ветер над полем. — Не доверяю, по-любому. А вот если я тебе как по маслу проведу, что тогда скажешь, недоверчивый товарищ?..

Машину подхватывал стремительный, упругий ветер, он бил в плоскость ливиды в болташке и Клава сражалась с ветром, как с врагом. Используя всю технику, была опыт десятилетней работы в авиации, она вела машину, как омытый дождем по хорошо укатанной шоссевой дороге.

Когда Чугунова впервые вошла в аудиторию Балашовской летней школы и села на скамью в дальнем углу, ее охватило глубокое, невыразимое волнение. У черной доски, на высоком стержне, сверкала алмазником модель трехмоторного самолета. «Раз добился права войти сюда, добился и машишку», — подумала Клава. На узком сербистом корде модели загорелся красноватый блеск вечернего солнца. «Вот такой машина и добьется...»

Двадцать третьего сентября 1934 года уют лет Клава Чугунова впервые совершила самостоятельный полет. Из сотни самых сложных, самых рискованных рейсов Клава навсегда запомнила первый, самый короткий, самый простой полет над школьным аэродромом. Когда развернулось и стремительно улетело от нее зеленое облачко поля, а на крыльях машины загорелись горячие солнечные блики, Клава упрямо сказала себе: «Это — только начало...»

Уметь летать — это еще мало. Надо уметь хорошо летать, отлично летать!

В летней школе Клава училась отлично и закончив курс, стала инструктором. «Почему не идешь на работу в Аэрофлот? — спрашивали товарищи. — Неужели не надоело возиться с учениками?» «Не надоело! — упрямо отвечала Клава. — Как раньше, когда она была инструктором планирования, все свободное время проводила на аэродроме, разбирая с инструкторами и учениками отдельные рейсы, копаясь в материальной части.

Когда Клаву Чугунову назвали работавшей в московском санитарном отряде, она уже была сформировавшимся пилотом с прекрасной индивидуальной техникой полета.

Чугуновой приходилось вылетать в самые различные районы сукот, при любой погоде, большей частью не в трассовые полеты и на «услонные» посадочные площадки. В санитарном отряде Клава прошла прекрасную школу хладнокровия, выносливости и выдержки. Она научилась врать, самой ценила вранье, — а это совсем не так просто, как кажется. Часто в самолет вкатывали носители с человеком. Жизнь этого человека висела на волоске. Оборотить ее мог маленький, случайный толчок или крик в воздухе. Клава научилась «видеть затылок» в полете, поддерживать в воздухе непрерывную связь с пассажирами, научилась следить за погрязнувшими и укладывать их в самолет наиболее удобным и спокойным.

Товарищи по летной школе ходили в замкнутые, далекие рейсы и, возвращаясь, рассказывали Клаве о Владивостоке, затанцованной серебряной дышкой туманом, о Сураме, где голубые горы падают всеми цветами радуги на землю, о полетах над горами, где облака похожи на горы, а горы прозрачны и легки как облака. «А ты, что ж, так и останешься «извозником»? — снисходительно спрашивали они Клаву. «Поэтоматри!» — уклончиво говорила Клава, пытаясь прача отбук. — Поэтоматри, что будет дальше!..»

А утром 22 июня 1941 года, когда грянула война, Клава, подтянувшая, строя, уже держала в руках назначение в особый отряд. Коначилась учеба, мирная работа, привычный мир любимых вещей и родных лиц отодвинулся в будущее.

На тяжелой санитарной машине Клава летает в прифронтовые районы. Каждый рейс — это два выжидания, ни одна минута и кодуле не проходит без напряжения. В прифронтовых районах Клава доставляет санитарный груз и медперсонал, а возвращается оттуда с ранеными.

Вот когда приходилось на практике долгие часы, промывленные Клавой на аэродромных планировочных досках летней школы, выдерживать жаркую практику, приобретенная в санитарном отряде; выкрутили хладнокровие и выдержка ночных, не трассовых полетов на «услонные» площадки. Встречи с врагом в воздухе, прыжок в воздухе, ослепление окопными выжиданиями на безоружные санитарные машины, — нередкое явление в рейсах Клавы Чугуновой.

Когда впервые на крутящихся хлупе метели вынырнуло черное крыло с белым и желтым крестом, Клава не растерялась. Мозгловосным прыжком она бросила свой самолет вправо и ушла в рыцкую пелену метели. Встреча была столь неожиданной и быстрой, что Клава не успела испугаться. Лишь через несколько минут поволоклись плечи и стива, порывавшиеся холодной испариной, и заломило в выдох.

Онижкая Чугунова вылетела на прифронтовый аэродром во время вражеского налета. Неужелюбие в воздухе «мессеры» кружили над полем, и в дождь, совсем близко от самолета, разрывались белые облака десятков десятин снарядов. Клава не ушла из района,

она знала: в санитарной палатке аэродрома лежат раненые бойцы и ждут ее самолета. Она отвела машину к лесу и кружилась в воздухе до конца полета, наблюдала за воздушным боем. Когда «мессеры» не выдержали яростного шквала зениток, ушли, Клава зашла на посадку, отключила посадил машину на поле, некорректные разрывы бомб, забрала раненых и немедленно отправилась в обратный путь.

Таких горячих рейсов много было в практике молодой женщины с глубокими синими глазами и золотистыми волосами. Но в них поражает не острота ситуации, а удивительное ясное и «деловое» отношение Чугуновой к особенностям своей работы. «Боясь ли я «мессеров»? Ну, конечно, боюсь. Знаете, это очень противная штука — разбить машину или разбить в воздухе, — особенно, когда ты за человеческие жизни отвечаешь. Некоторые аэроты счастливо судьи! Чугунова это все... Во всякой работе побеждает знание и умение, а то, что я делаю, — такая же работа, как и всякая другая...» * * *

Недавно Клава известила в одной из подмосковных клиник большую подругу. В вестибюле клиники высокий смуглый майор яростно спорил с дежурным врачом.

— Имеет человек право хоть валаи взглянуть на сына? — кричал майор, возбужденно размахивая руками. — Шутка ли, полтора парня, а в его ряд жизни не вдала... Когда я еще в Москву поеду! — он обернулся к Клаве за поддержкой. — Подумайте только! Пыри, не врач! И же на фронте был, когда сын родился... Инфекция, инфекция! Честное слово, и к нему не подойдет, пусть хотя о кино покажут!

Клава всматривалась в лицо майора. Ужасные брови заметно выделялись на смуглом лице. Что-то знакомое было в хриплотом, яростном голосе.

— Товарищ командир! — вдруг обложившись сказала Клава и протянула руку майору. — Я же ваш пилот, Клава Чугунова... Помните санитарную палатку под Калинин?..

Майор внимательно взглянул на Клаву, и густой, темный румянец стал медленно заливаться его лицо.

— Так это вы моя ваталина... — тихо сказал он и крепко пожал руку Клаве. — А меня хригит все спрашивал, какой это лауреат воздуха как с таковы ранением довел... Я даже имя ваше забыл, вы, знаете, очень тогда скверно было...

— Ладно, ладно... — смущенно сказала Клава, отдавая руку. — Вы лучше мадеши сына посмотрите: мой сестра какой чудесного бутуза вам привнесла!

— А я-то на всех накричал тогда... — все еще огорчался майор. — Ну, ладно, ась, как-нибудь судьба нас еще столкнет, раскатишься с вами добром за добро... Спасибо вам, родина!

МАНЕВР

Победа в бою достигается иными действиями. Боец, подразделение, часть всегда стараются в бою занять наиболее выгодное положение, которое позволило бы с максимальной эффективностью применить оружие, использовать мощь огня, наиболее облизаться с врагом, нанести ему удар в самое уязвимое место. В зависимости от обстановки и бое-

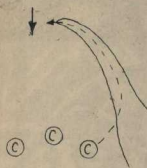

Схема 1.

вой задачи подразделение (часть) передвигается, меняет место своего расположения, иначе говоря, — совершает маневр.

Противник, конечно, будет оказывать сопротивление, а первую очередь — своим огнем. Следовательно, для того чтобы успешно провезти тот или иной маневр, необходимо повлиять или ослабить противобойные силы врага. Этого можно добиться умелым применением огневых средств.

Сочетание движения и огня — важнейший элемент всякого маневра. Кроме того очень важно, чтобы передвижение производилось

Схема 2.

до скрытно, незаметно для врага.

Таким образом, маневр — это передвижение, в результате которого подразделение (часть) ставит себя в выгодное положение для выполнения боевой задачи. Проиллюстрируем это примерами.

1. Группа из трех стрелков, действуя в наступлении, встретила на своем пути вражеский ручной пулемет. Его огонь представлял для нас серьезную опасность. Тогда правый фланговый стрелок прибегает к маневру. Используя оцирку, он скрытно передвигается по ней и выходит во фланг пулемету (схема 4). Отсюда он скорее сможет поразить вражеского пулеметчика осевой винтовкой, а если удастся подойти ближе, то и ручной гранатой.

2. Два стрелковых отделения ведут наступление. У обхода одна цель — скорее сблизиться с врагом и штыковым ударом уничтожить его. Противник противодействует наступлению. Подвигаются обход отделением и бросаются в атаку, не обрывая внимания на испугательский огонь, нельзя: возможны большие потери. Тогда оба отделения прибегают к маневру. Пока первое отделение перебегает на следующий рубеж, второе, оставаясь на прежнем месте, ведет по противнику огонь. А как только первое отделение займет рубеж, оно, а свое очередь, открывает огонь и поддерживает им перебежку второго отделения. Так, взаимно сочетая движение с огнем, отделения передвигаются все ближе и ближе к противнику, т. е. занимают выгодное положение.

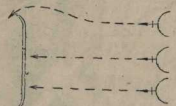

Схема 3.

3. Наступающий стрелковый взвод встречен сильным огнем противника. Фронтальное движение становится все труднее и труднее. Во взводе уже есть потери. Командир взвода решает применить маневр. Он оставляет на месте несколько бойцов с ручным пулеметом, а основные силы взвода выдвигает во фланг врагу (схема 2). Это дает большие выгоды: противник, стоя на фронте, и ему наносятся удары в уязвимые места — во фланг.

Различается несколько видов маневров, а именно: обход, обход, прорыв, окружение и в случае необходимости отход.

ОБХОД

Этот вид маневра заключается в одновременных действиях с фронта и по флангу противника; при

этом между охватами фронта и наступлением с фронтом подразделениями сохраняется огневая связь, т. е. они могут поддерживать друг друга своими огневыми средствами (схема 3).

Обход фланга противника даже мелкими подразделениями и отдельными бойцами дает наступяющему большие выгоды: он позволяет вести по противнику фланговый огонь.

ОБХОД

Здесь имеются в виду особенные действия по флангу тыла противника (схема 4). При обходе подразделение (часть) не имеет непосредственной огневой связи с подразделением, действующим с фронта.

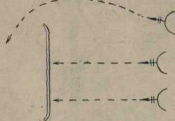

Схема 4.

Этот вид маневра дает еще большие преимущества, чем обход. Он вынуждает противника вести борьбу на два фронта и, отрезая его подразделениям пути отхода, создает угрозу уничтожения его живой силы. Обходы широко применяются сейчас частями Красной Армии в наступательных боях против засевших в обороне немецко-фашистских войск.

ПРОРЫВ

Может быть такое положение, когда у обороняющегося противника не удастся обнаружить открытых флангов и изюмю нельзя будет применить ни охвата, ни обхода. В таких случаях приходится производить прорыв обороны с

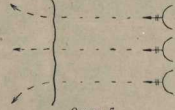

Схема 5.

фронта, после чего вклинившись в оборону части разбивают успех в сторону и в глубину с применением охватов и обходов (схема 5). Прорыв требует от наступяющего тщательной подготовки. Серьезное внимание должно быть уделено организации взаимодействия между пехотой, артиллерией и танками.

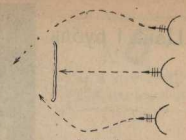

Схема 6.

В осуществлении прорыва особенно велика роль артиллерии. Только ее огонь способен сокрушить укрепления современной обороны. Артиллерия наступает вместе с пехотой и поддерживает ее своим огнем до тех пор, пока оборона противника не будет взломана на всю ее глубину.

Своими действиями артиллерия расчищает путь пехоте.

ОКРУЖЕНИЕ

Окружение достигается тем, что одновременно с фронтальным наступлением производится охват или обходы флангов и тыла противника (схема 6). Это самый эффективный вид маневра. При удачном проведении его может быть достигнуто полное уничтожение сопротивляющегося дойс противника.

В Великой войне части Красной Армии нередко применяли окружение. Широко известно об успешном окружении нашими войсками 19-й немецкой армии в районе Старой Руссы.

ОТХОД

Отход производится в тех случаях, когда подразделение (часть) необходимо временно оторваться от противника.

Иногда нужно выиграть время и сохранить свои силы. Для этого часть (подразделение) отходит на новую позицию и вынуждает противника снова наступать под огнем. Отходящая часть пользуется каждым удобным случаем, чтобы наносить врагу короткие удары. В результате наступлений противник несет большие потери.

В других случаях некоторые подразделения (части) отходят фронтально и улевают за собой противника, а остальные подразделения, отделившись в косою направлении, наносят наступяющему противнику удары во фланг и тыл (схема 7).

Иногда отход организуется с таким расчетом, чтобы подвезти наступящего противника под фланговую огонь и удар соседних частей.

Схема 7.

Ответственный редактор — М. Г. ОСИПОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

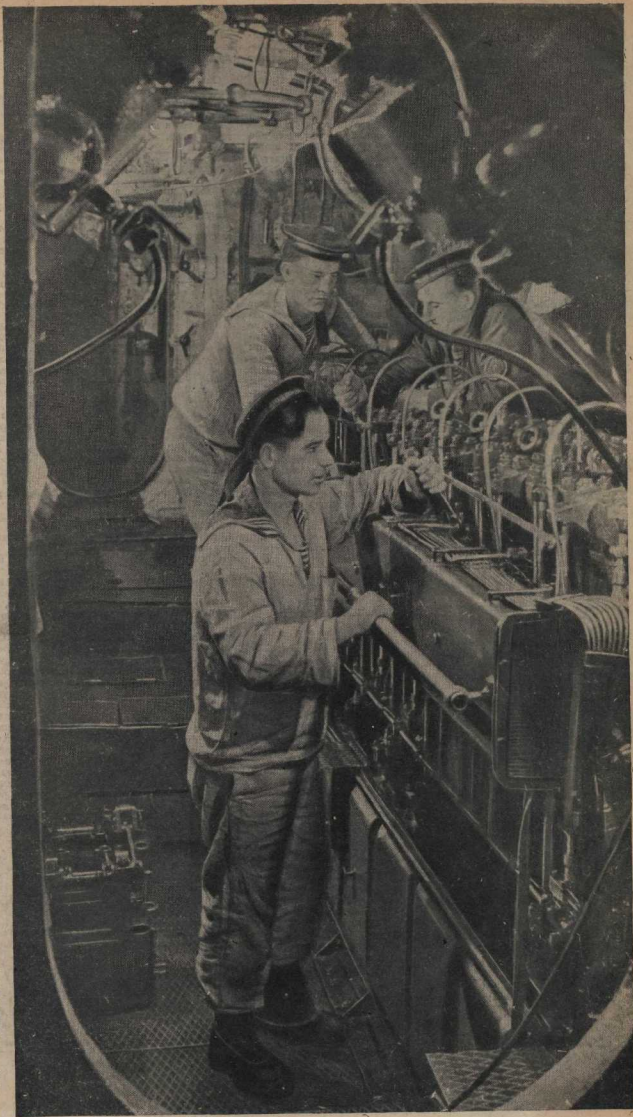
А 65905. Подготовлено к печати ЕВУ-42 г. Изд. № 364.

Формат 72x110 см. 3 п. л. № в п. л. 99 000.

Заказ 805. Тираж 60 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль

Выход в море, навстречу врагу, — праздник для молодых советских подводников. Мотористы Ильской подводной лодки комсомолец Каллабин, Сепко и кандидат партии Тюхтин готовят машину к выходу.

Фото А. Межуева
(ТАСС)